Дело Литвиненко: журналисты и Скотленд-Ярд против правительства Британии и СК РФ

Репортаж нашего спецкора Веры ЧЕЛИЩЕВОЙ из лондонского суда

СТРАНИЦЫ 5, 6

понедельник среда пятница

Новая газета

№ 69 (2064) 28.06.2013 г.

Скандал вокруг книги о Лихачеве

Подробности и комментарии внучки ученого

СТРАНИЦЫ 17, 18

ПРОЦЕСС

Судебный форсаж

Ожидается, что 1 июля суд огласит приговор Александру Лебедеву

СТРАНИЦА 4

КРИМИНАЛ

Кровавый передел мусорных баков в Подмосковье

Конфликт вызвала новость о визите и.о. губернатора в город Лобню. Подробности — от Сергея КАНЕВА

СТРАНИЦА 15

КАРТА ПАМЯТИ

Юрий РОСТ. Под парусом через океан

...Утром меня разбудил боцман: «Прости, что беспокою после вахты, но там киты»

СТРАНИЦЫ 20–21

13069

4 607149 380152

Приключения Маши Хари в редакции «Новой газеты»

История о провокациях против СМИ и ряда известных журналистов набирает обороты. Раскрываем новые подробности о деятельности «шпионки», засланной в нашу редакцию

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

СТРАНИЦЫ 2–3

РАССЛЕДОВАНИЕ

Приключения Маши Хари в редакции «Новой газеты»

Журналисты ряда изданий, в том числе «Новой газеты», раскрыли деятельность коммерческой организации, занимавшейся провокациями против независимых СМИ и незаконной агентурной деятельностью. В среду результаты расследования были опубликованы на сайтах нашей газеты и Фонтанка.ру. Одновременно состоялись заседание руководства Союза журналистов России, посвященное этим событиям, и пресс-конференция попытавшихся перехватить инициативу провокаторов в Санкт-Петербурге. Предлагаем вашему вниманию материалы об этих событиях.

История о провокациях против СМИ и ряда известных журналистов набирает обороты. Раскрываем новые подробности о деятельности «шпионки», засланной в нашу редакцию

После публикации вызвавшего большое количество откликов материала Нины Петляновой (**«Старо, как КГБ», «Новая газета» № 65 от 19.06.2013**) о провокациях против СМИ и ряда известных журналистов, организованных людьми, связанными с «кремлевским поваром» Пригожиным и его компанией «Конкорд», произошли события, существенно изменившие ситуацию. Стало известно, что одна из главных героинь статьи уже месяц работает в отделе рекламы «Московского комсомольца» в Санкт-Петербурге. При устройстве на новое место она подала сфальсифицированную трудовую книжку, в том числе с записью о работе в «Новой газете». Тем самым она нарушила все договоренности, которые были достигнуты с ней при увольнении из нашей газеты в марте 2013 года. Поэтому ничто больше не удерживает нас от того, чтобы раскрыть имя Маши Хари из «Конкорда» — это Мария Купрашевич, 1984 года рождения. На сайте газеты мы публикуем некоторые документы, иллюстрирующие эту историю.

Мы вынуждены более подробно рассказать о деталях этой шпионской истории, чтобы предупредить коллег и не допустить возможных рецидивов. Как упоминалось в статье Петляновой, весной-летом 2012 года наша редакция изучала ряд попавших к нам документов «Конкорда». Нас интересовало все, что связано с подготовкой сотрудниками ведомства Пригожина материалов, использованных в скандальном псевдорасследовании «Анатомия протеста», показанном на НТВ (**см. статью Н. Гирина и Д. Хачатрян «Анатомия про тесто», «Новая газета» №39 от 09.04.2012**).

Именно тогда среди разрозненных файлов, попавших к нам из разных источников, обнаружилась распечатка с сайта «Новой газеты» о приеме на работу с визой, предположительно наложенной лично Пригожиным. Проверка показала, что специально из Санкт-Петербурга, за 700 верст, для поступления в отдел рекламы на должность стажера приехала молодая женщина с двумя высшими образованиями — актерским и журналистским.

Маша выразила готовность работать первые месяцы бесплатно, так как «очень любит» «Новую газету», солидарна с ее редакционной линией. Хотя анализ содержания ее страницы «ВКонтакте», как выяснилось позднее, категорически не соответствовал этим светлым порывам, рисуя посетителям вполне сложившуюся современную, прагматичную женщину, равнодушную к политике и весьма неравнодушную к миру гламура и материальному успеху. Все лето она продолжала работать бесплатно.

Установив вдобавок ко всему и несоответствие некоторых биографических данных, мы приступили к проверке места работы, с которого энтузиастка к нам пришла. В трудовой книжке внедренного агента значилось: менеджер отдела продаж петербургской фирмы ООО «Принципиум» (именно эта запись была изъята из трудовой книжки, представленной в «МК» в Санкт-Петербурге). С этого момента «Новая» и начала изучение «Газеты о газетах».

В течение месяца к нам попали документы, свидетельствующие, что стажерка отдела рекламы — сотрудник отдела PR «Конкорда». В том числе ее номер в списке корпоративных телефонов компании, тема, над которой она трудилась у Пригожина, и смета на ее командировку к нам, составленная сотрудником «Конкорда». Началась игра.

Для начала мы настроили доступ с рабочего места Купрашевич к папкам, не содержащим важной текущей информации (которая в каждой редакции измеряется терабайтами), и в автоматическом режиме начали получать информацию обо всех файлах, которые она копирует. Барышня пользовалась внешними жесткими дисками и, как мы убедились, выносила горы этой безвредной в сущности информации в своей сумочке.

Уже тогда мы поражались, насколько рискованными методами заставляли работать девушку курирующие ее сотрудники соответствующих служб Пригожина.

Кроме того, агент Пригожина фотографировала помещение редакции (обычно это делают перед установкой прослушивающих устройств или закладкой сфальсифицированных улик). Ну, и выпивала на всех днях рождения, кокетничала с мальчиками и секретничала с девочками.

Ближе к осени стало ясно, что в отделе рекламы она звезд с неба не хватает. И тогда, дабы доказать свою нужность, она предложила заключить договор на рекламу сайта «Газеты о газетах». Одним кликом читатели должны были попасть с нашей страницы на страницу голосования за самого продажного журналиста, в списке больше половины — наши авторы.

Очевидно, что выбросить под миллион рублей на такую дурь мог только очень состоятельный заказчик, у ООО «Принципиум» таких денег нет.

Несмотря на комфортную обстановку, которую старались ей обеспечить сотрудники дирекции, девушка ощутимо нервничала. Подсчитав, что на жизнь она тратит в разы больше своего скромного оклада и процентов с немногочисленных рекламных договоров, мы предложили ей облегчить душу. Состоялась конфиденциальная беседа руководства «Новой газеты» с посланницей ненавидящего журналистов господина Пригожина, на которой она полностью признала свою миссию (видео на сайте газеты). Изучив показанную Машей СМС-переписку с «центром», мы пришли к выводу, что один из кураторов операции — все тот же Андрей Михайлов из публикации Петляновой.

Под обещание редакции блюсти ее тайну Мария Купрашевич согласилась работать «двойным агентом». Позднее она рассказала об обстоятельствах, при которых получила задание, и его деталях. В «Новую газету» ее проводил лично сам Пригожин и, судя по СМС, ее коллеги из отдела PR «Конкорда». Всего, с учетом средств на аренду квартиры в районе метро «Преображенская», Мария получала от людей «кремлевского повара» около 130 000 рублей в месяц.

Из Питера к нашей барышне периодически приезжал Георгий (мы идентифицировали его как Бубнова Георгия Александровича, оперативника службы безопасности «Конкорда»). Давал Маше задания в ресторанах и кафе, принимал отчеты. По нашей просьбе она добросовестно записывала эти разговоры, мы формулировали для нашей новой помощницы соответствующие ее уровню информированности темы и дезинформацию, которая могла заинтересовать службу безопасности Пригожина. Забавно было услышать от куратора оценку редакции: не будет «Новой газеты» — не будет и нашей службы.

К новому, 2013 году, снабдив спецслужбы Пригожина тоннами бесполезной информации, сфотографировав его сотрудников, записав их переговоры, мы стали уставать от шпионских игр. Пришла пора расставаться с Машей Хари, как называли ее к тому времени некоторые посвященные в дело наши сотрудники. Тем более что и испытательный срок по трудовому соглашению закончился, к удовлетворению всех участников игры. При расставании она уверяла, что дальнейшую жизнь посвятит другому ремеслу. А мы обещали ей при таких условиях сохранить наше сотрудничество в тайне.

На последней встрече с Марией питерский куратор обмолвился, что они (мы поняли «они» как «Конкорд») переходят к активным мероприятиям. И мероприятия не заставили себя ждать. Началась история с «Форбсом», питерской редакцией «Новой газеты» и Дмитрием Быковым. А Маша, судя по событиям, выдержав паузу всего в три месяца, вернулась к прежнему занятию.

Важнее всего в этой истории все-таки не приключения Маши Хари, а роль организатора и вдохновителя операции. Развивая невинный, сугубо гражданский бизнес, господин Пригожин фактически содержит структуру, которой поручил следить за журналистами, внедрять в редакции агентов, разрабатывать и осуществлять провокации. Да, была Маша. Но были и остаются люди, которые готовили ее задание, прорабатывали легенду и способы связи, помогали с документами и деньгами.

Мы не удивимся в будущем никаким провокациям и ЧП в редакциях российских СМИ. Как в зеркале, в этой истории отразилось все безумие нашей политической эпохи: повар-шпион нанял получившую актерское образование сотрудницу и посылал добытую ею политическую информацию на самый верх в надежде на новые контракты.

Но раз уж этому пирожнику доверили кормить высших чиновников России и ее именитых гостей, не грех его клиентам и задуматься. Если Пригожин так любит шпионские игры, не записывают ли в его заведениях, в том числе в правительстве, беседы за столиками? Не ведут ли скрытую видеозапись? Ведь накопление информации впрок, «на будущее» — важнейший принцип работы специальных служб. И кто знает, где эти записи потом всплывут?

Валерий ШИРЯЕВ

СПРАВКА

ИТАР-ТАСС

Пригожин Евгений Викторович родился 1 июня 1961 г. в Ленинграде. Обучался в Ленинградском химико-фармацевтическом институте, отчислен в 1990 г. В 90-х гг. занялся бизнесом, первым проектом стало кафе быстрого питания на рынке Апраксин Двор. К концу 90-х вошел в число наиболее крупных ресторатров РФ, открыв в Петербурге и Москве ряд элитных заведений («Старая таможня», «New Island», «River Palace» и т.д.). В 1995 г. основал холдинг «Конкорд», специализирующийся на инвестициях в недвижимость, девелопменте, пищевом производстве и ресторанном бизнесе. С 2000 г. холдинг на регулярной основе занимается организацией банкетных мероприятий для высшего руководства РФ, с 2010 г. выступает в качестве поставщика готовых блюд для учебных заведений. В настоящий момент холдинг сотрудничает с ОАО «Военторг», предоставляющим «Конкорду» заказы на услуги по организации питания, банно-прачечного обслуживания и т.п. для Минобороны РФ.

Мария Купрашевич

Фото из архива «Новой»

Согласно этой трудовой книжке М. Купрашевич приняла на работу в «Принципиум» как раз М. Майорова

Новая трудовая книжка М. Купрашевич с поддельной записью «Новой газеты»

«Говорят, мы — негласный проект Пригожина»

«Газета о газетах» собирается судиться с «Новой»

Петербургская «Газета о газетах» («ГоГ»), обвиняемая в провокациях в отношении СМИ («Новая газета», Forbes, «Аргументы и Факты», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» и др.), 26 июня заявила о том, что подала два иска к учредителю «Новой газеты» в Санкт-Петербурге». Истцы, собравшие журналистов на пресс-конференцию по этому поводу, отметили лишь, что будут защищать в судах «деловую репутацию, честь и достоинство» и «требовать опровержения недостоверных сведений, опубликованных в материале «Старо, как КГБ» (см. «Новую» №65 от 19.06.2013).

— Нам приписывают несуществующие заговоры. Говорят, мы — негласный проект человека, которого зовут Евгений Пригожин, — сетовала Мария Майорова, — что у него есть компания, которая занимается организацией подстав на все СМИ. Кроме того, нам приписывают связь с какими-то шпионами, заявляют, что эти люди работают в фирме, в которой я являюсь учредителем и генеральным директором...

Напомним, в материале «Старо, как КГБ» рассказывалось, что за минувшие полгода в отношении нескольких СМИ и журналистов были предприняты провокации по примерно одинаковому сценарию. Изданию или журналисту заказывали рекламную статью, оплачивали, снимали процесс передачи денег на камеру, а затем обвиняли в «продажности». По этому совпадению все случаи разведала и описала именно «Газета о газетах»: в ноябре 2012 года «ГоГ» разоблачила «АиФ», в феврале 2013 года «уличила в продажности» писателя и журналиста Дмитрия Быкова, в мае — журнал Forbes.

Некий Сергей Соловьев, «предприниматель» и «кандидат в депутаты», 22 февраля пригласил Быкова дать благотворительный концерт для избирателей в Качканаре и Нижней Туре. Но в обличительной публикации, сразу после концерта, «ГоГ» сообщила: на самом деле Сергей Соловьев — не бизнесмен и не кандидат, Быков же якобы поехал за него агитировать (никаких доказательств агитации «ГоГ» представить не смогла) за деньги — про официальный договор и предусмотренный гонорар газета «забыла».

В номере Forbes от 18 апреля, в интервью с пометкой «на правах рекламы», тот же Сергей Соловьев вновь выступил кандидатом в депутаты, хозяином минимперии по строительству частных домов и коттеджей. Уже 23 апреля Соловьев (тоже был на нынешней пресс-конференции) обратился в суд с иском к Forbes: «Интервью не давал, фото украдены с моей страницы «ВКонтакте».

Затем объявился Андрей Михайлов (также участник пресс-конференции) и признался: и организатор концерта Дмитрия Быкова, и заказчик упомянутых провокационных статей — он. Он же после концерта Быкова от имени Соловьева написал письмо в «Газету о газетах». Михайлов настаивает: «Сергея раньше не знал, нашел его «ВКонтакте» и разместил статью в Forbes...»

Соловьев отрицает свою роль в обеих историях и знакомство с их героями. Между тем «Новая» располагает документами, согласно которым в феврале в Екатеринбург Соловьев и Михайлов летали вместе.

Статус Михайлова прояснить не удалось. Он себя называет «бывшим пиарщиком», а сейчас — «фрилансером». В течение нескольких лет Андрей Михайлов был в равных долях с супругой соучредителем двух ООО «Кентер» и одного «МК Кентер» (ныне ликвидированных). Но сейчас он категорически отрицает свою причастность к компании «Кентер», договаривавшейся о размещении в Forbes на правах рекламы интервью с Соловьевым.

Майорова, ранее представлявшая Михайлова «сотрудником «ГоГ», выполняющим административные функции», теперь это опровергает:

— Андрей никогда не являлся и не является сотрудником «Газеты о газетах».

Майоровой предъявили аудиозапись ее разговора в декабре 2012 года в офисе «ГоГ» с представителями петербургского Союза журналистов, где Майорова знакомит гостей с Михайловым. Она не смутилась:

— Значит, я была не права, что так сказала. Сказала и сказала...

Однако давнее знакомство и с Марией Купрашевич, и с Андреем Михайловым Майорова не оспаривает:

— С Купрашевич я пересекалась в Петербурге на PR-мероприятиях. Потом встречалась с ней в Москве, когда через нее заказывала рекламу «ГоГ» в «Новой газете». Но как учредитель и директор ООО «Принципиум» я никогда не брала на работу человека с таким именем (см. трудовую книжку). Андрей Михайлов — мой личный контакт. Первые материалы по «АиФ» нам тоже передал он...

Михайлов и Майорова — редкостные альтруисты. За желание доказать, что все СМИ и журналисты продажны, оба — по их утверждению — выкладывают немалые средства из своего кармана. Откуда деньги? Мария ответила:

— Из разных источников. Есть деньги от рекламы, их немного, но есть еще личные деньги моей семьи и моих друзей. Называть имена не буду — это закрытая информация.

Михайлов источники своих доходов вообще не раскрыл. Зато подтвердил источники и размеры расходов. Кроме полумиллиона рублей за концерт Быкова друг Майоровой отдал, по его словам, 540 тыс. руб. за статью в Forbes и заплатил суммы чуть меньше или чуть больше — еще 40 изданиям. Итого — миллионы. Откуда?

— Банковские кредиты, — сказал Андрей.

По данным Федеральной службы судебных приставов, Михайлов имеет долги перед банками — около 9 млн руб. Весной 2013 года судебные приставы возбудили в отношении заемщика четыре исполнительных производства и наложили арест на его имущество.

От знакомства и каких-либо отношений с Евгением Пригожиным открестились все три спикера пресс-конференции.

Нина ПЕТЛЯНОВА,
соб. корр. «Новой»,
Санкт-Петербург

ДОСЛОВНО

Заявление Союза журналистов России

В последнее время мы стали свидетелями учащающихся акций, направленных на то, чтобы доказать повальную продажность журналистов и органов печати, огульных и бездоказательных обвинений в их адрес, которые, в свою очередь, становятся основанием для принятия все новых и новых законопроектов, ограничивающих саму возможность прессы проводить общественно-важные расследования, писать о злоупотреблениях, бороться с негативными тенденциями.

Стратегическая цель этих акций очевидна: тотальный подрыв доверия к прессе, что дает возможность избавиться от ее независимого контроля <...>.

Особенно опасным в связи с этим мы считаем участие в кампании лиц, представляющих органы власти, как федеральной, так и региональной.

Мы понимаем, что пресса не менее чем любой другой институт нуждается в общественном пригляде, что журналист обязан отвечать за то, что пишет и делает, но мы считаем: действующая правовая система предоставляет возможности несправедливо опороченному человеку защитить свое доброе имя.

И недопустимо огульно порочить профессиональный журналистский цех, привлекая для этого разного рода провокаторов, призванных доказать единственное: «прессе вообще верить нельзя». Тем более удручает готовность, с которой подхватывают любую ложь на прессу те, кто уже в силу своего положения обязан понимать, что сильная и независимая журналистика является одной из основных «скреп» современного государства.

«Самая коррумпированная сфера жизни в нашей стране — это СМИ... Журналисты на сегодняшний день, к сожалению, самый отсталый класс нашего общества...» — заявил на днях замсекретаря генсовета «ЕР» депутат Госдумы Андрей Исаев. До этого он уже называл журналистов «мелкими тварями», обещал «не забыть и не простить» авторов и редакторов не понравившихся ему публикаций.

Коллеги по партии объясняют все эти возмутительные и недостойные высказывания излишней «эмоциональностью» депутата. Нам эта оценка представляется излишне мягкой. Мы требуем, чтобы парламентарий выбирал слова и отвечал за них. Но пока его «эмоциональные» оценки раз за разом отливаются во все новые и новые законопроекты, ограничивающие профессиональные права журналистов и с готовностью принимаемые Думой.

Мы настаиваем на том, что абсолютное большинство наших коллег честно выполняют долг перед обществом. Мы требуем прекратить провокации против СМИ, направленные на дискредитацию их деятельности, назвать заказчиков этих провокаций и привлечь к предусмотренной законом ответственности. Мы вправе знать, на какие средства эти провокации проводятся.

Последние примеры таких провокаций приведены в расследовании, проведенном «Новой газетой». Представители неких коммерческих структур, применяя незаконные агентурные методы, пытались спровоцировать независимые СМИ, доказать их мнимую продажность. Практически во всех случаях провокаторы просчитались. Полагаем, что приведенные в расследовании факты требуют принятия немедленных мер со стороны Следственного комитета и прокуратуры.

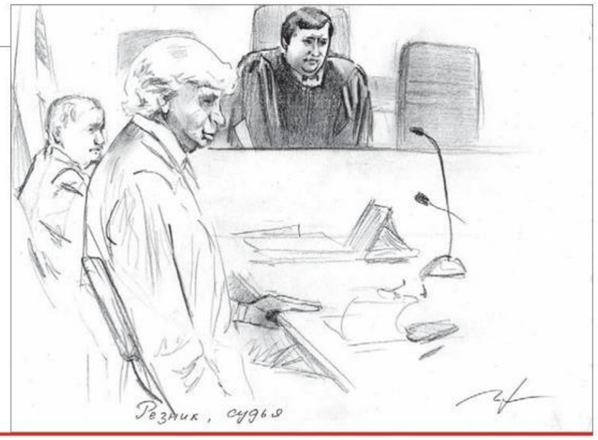
Еще раз повторим: журналисты не могут быть выведены из-под общественного контроля только потому, что они — журналисты. Мы боремся и будем бороться с негативными явлениями в своей среде.

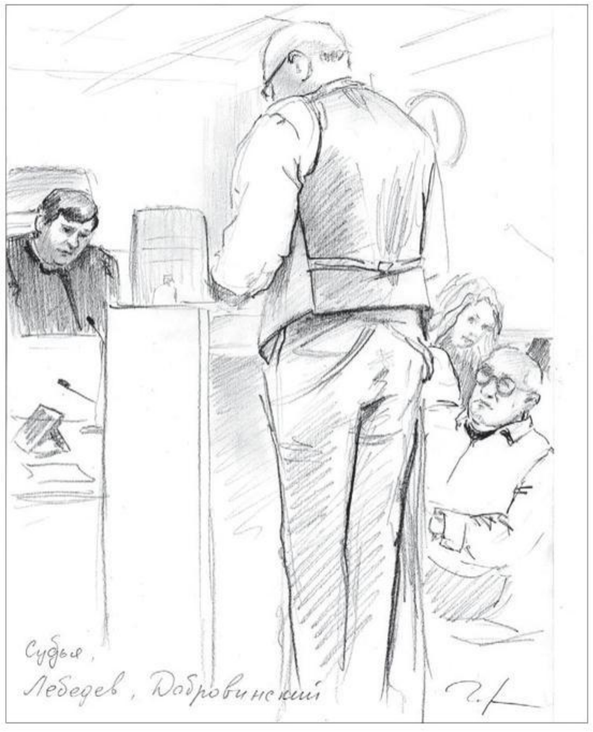
Но — без провокаторов.

Принято на заседании Секретариата Союза журналистов России 26.06.20013

Судебный форсаж

Ожидается, что 1 июля суд огласит приговор Александру Лебедеву

Федеральный судья Андрей Бахвалов неожиданно форсировал судебный процесс по обвинению Александра Лебедева в нанесении побоев Сергею Полонскому и хулиганстве по мотивам политической ненависти. В четверг состоялся допрос обвиняемого, в пятницу пройдут прения, а уже 1 июля ожидается оглашение приговора.

Напомню, сам инцидент, послуживший поводом для возбуждения уголовного дела, произошел во время записи программы «НТВшники» 16 сентября 2011 года. Почти полтора года продолжалось следствие. 7 февраля этого года состоялось первое предварительное слушание в Останкинском райсуде Москвы. В апреле началось рассмотрение дела по существу. В минувший четверг суд перешел в завершающую стадию.

Допрос Лебедева не принес неожиданностей. Подсудимый еще раз повторил то, что уже говорил неоднократно:

«До этой программы я никогда не встречался с Полонским. Но он был «героем» одного из моих расследований: о нарушении технологии строительства башни «Федерация»; «Когда я увидел Полонского в гримерке, я решил отказаться от участия в программе, но меня уговорили остаться»; «Слова Полонского о желании набить морду я воспринял в свой адрес»; «Я не хотел конфликта и после угрозы «набить морду» даже отвернулся от него. Но Полонский продолжал нагнетать обстановку. Его выброшенную в мою сторону руку я воспринял как попытку ударить меня. Я отвел этот удар и оттолкнул Полонского»...

Подводя итоги процесса, можно утверждать: сторона обвинения так и не смогла представить убедительных доказательств, что действия Лебедева можно квалифицировать по статье УК РФ «Хулиганство». Не основывать же приговор на показаниях забавнейшего «специалиста» Сергей Комкова? Мало того что Комков «испытывает личную неприязнь» к подсудимому (что вылилось, к примеру, в его заявление о возбуждении в отношении Лебедева уголовного дела), так еще и научные познания «специалиста» вызывают большие сомнения.

В ходе допроса Комков пытался убедить суд, что «нападение Лебедева на Полонского — это заранее спланированное преступление», что подсудимый «подготовился к преступлению, заранее размяв руки». Комков заявил суду, что пришел к таким выводам на основе контент-анализа и других приемов оценки поведения обвиняемого, наблюдения за его словами и жестами, а инструментом исследования «специалист» назвал «свои глаза» (*подробности в «Новой» №56 от 27 мая 2013*).

На минувшей неделе вызванные в суд в качестве специалистов ученые, хорошо известные в научном мире, полностью опровергли псевдонаучные заключения Комкова.

Доктор философских наук, профессор Евгений Тарасов показал суду, что невозможно делать какие-то серьезные выводы, опираясь на исследование одной видеозаписи:

— Наука пока не может предоставить однозначную оценку поведения человека по видеозаписи. Научных методов, позволяющих сделать это, нет.

Психолог Сергей Ениколопов показал суду, что невозможно делать психолого-лингвистическую экспертизу «на том объеме словесного материала, который был между Лебедевым и Полонским».

Специалист в сфере единоборств, кандидат педагогических наук Игорь Зайчиков вместе со своими коллегами провел экспертизу записи программы «НТВшники», а именно момент «избиения» Полонского, и пришел к выводу:

— Удары Лебедева не достигли цели. На раскадровке четко видно, что рука Лебедева не сжата в кулак, из чего можно сделать вывод, что у Лебедева не было цели бить Полонского. На раскадровке также видно, что Полонский покатился назад, видимо, оттолкнувшись ногами от пола. И упал он, потому что подиум закончился.

В четверг адвокаты Полонского попытались легализовать показания «специалиста» Комкова, представив в суд копии целого вороха дипломов, заверенных консулом России в Чехии (Комков проживает в Праге). Оглашение названий научных заведений, подтверждающих вклад Комкова в науку, вызвало веселое оживление в зале. Судья Бахвалов даже был вынужден повысить голос:

— Здесь не цирк, ничего смешного я не вижу.

Хотя, честно говоря, сам выглядел человеком, с трудом сдерживающим приступ хохота. Ну как не улыбаться, когда на полном серьезе зачитываются документы, в которых написано, что Международная академия наук Сан-Марино присваивает Комкову степень кандидата юридических наук, и та же самая академия признает его и доктором педагогических наук?

Адвокат Генри Резник говорит суду:

— Эти документы обязательно надо приобщить. Лучшего способа дискредитировать Комкова не придумать.

Адвокат Юрий Зак добавляет:

— Среди огромного количества документов, представленных Комковым, нет ни одного из российских научных и учебных заведений. Нет даже документа, что он имеет высшее образование, полученное в России.

Тут адвокаты Полонского вспоминают про диплом Московского авиаинститута, выданный Комкову в 1969 году.

— Понимаю своих коллег по адвокатскому цеху — им было стыдно представить этот документ, — замечает Резник.

Суд приобщил почти десяток потешных дипломов Комкова к делу.

Завершая заседание, федеральный судья Андрей Бахвалов объявил:

— В пятницу переходим к прениям.

Ожидается, что уже 1 июля начнется оглашение приговора. С 4 июля судья Бахвалов уходит в плановый отпуск.

Ирек МУРТАЗИН,
из Останкинского райсуда
Рисунки **Елены ГОРЛАЧ**

ПРОЩАНИЕ

Умер Александр Лавут

Умер Александр Павлович Лавут — крупный российский общественный деятель, политзаключенный 1970-х годов, человек исключительной доброты, порядочности и личной скромности. Его вклад в отечественную гражданскую культуру гораздо больше, чем это известно широкой общественности.

Александр Павлович — действительно продолжатель лучших российских традиций гражданственности, принципов исключительно ненасильственной независимой общественной деятельности, основанной на вере в добро и личном мужестве.

Он категорически отвергал все большевистское: интриги, «манипулирование во имя блага», «насилие во имя блага будущих поколений».

Предстоит еще осмыслить все его наследие, которое всегда будет принадлежать нам, его соотечественникам, гражданам России.

Он тонко чувствовал время, честно и без лукавства давал оценки и не позволял времени победить себя, что давалось ему нелегко.

Григорий ЯВЛИНСКИЙ,
Сергей МИТРОХИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК

Королевский суд Лондона

EPA

Дело Литвиненко: здесь! журналисты и Скотленд-Ярд против правительства Британии и СК РФ

Репортаж из коронерского суда

В последние годы русский язык пополнился многими странными словами. Иногда — в связи с происшествиями, что регулярно случаются с нашими соотечественниками. Так, например, уже примелькалось понятие «коронерский суд», который рассматривает на берегах Туманного Альбиона то одну загадочную смерть, то другую. Литвиненко, Перепеличный, Березовский... Российского аналога у подобного суда нет, потому «Новая» и решила рассказать, что же это такое.

Утро. Центр Лондона. Улица Стрэнд. Леди и джентльмены с белыми париками и черными мантиями под мышкой и с папками бумаг в руках быстрым шагом направляются к центральному входу монументального комплекса зданий. Если бы не эти парики с мантиями, судей было бы не отличить от обычных посетителей — истцов, адвокатов, ответчиков, журналистов, — которые тоже спешат в Королевский суд Лондона, где рассматриваются гражданские дела, имеющие широкий общественный резонанс. Потому вокруг — полно папарацци, но внутрь их не пропускают — в английских судах съемка категорически запрещена.

«Парики» проходят в здание наравне со всеми — по очереди. Никаких отдельных входов и выходов для них нет, да и быть не может, потому что Royal Courts of Justice (в буквальном переводе — «королевский судный двор») понты терпеть не может, впрочем, как и вся английская судебная система.

Royal Courts of Justice похож на собор в неоготическом стиле. Огромен, внутри отделан темным деревом, на стенах — старинные холсты с ликами строгих судей прошлых лет. Но вас сюда пропустят без звука, не спросят, на какое заседание идете, и даже не заставят предъявить паспорт. Единственная формальность — рамки металлоискателей.

Правда, добраться до нужного зала — все равно приключение, особенно если вы здесь впервые. Потребуется преодолеть несколько переходов, анфилад, спуститься или подняться по винтовым деревянным лестницам... Ведь здание возведено в 1873—1882 годах и, между прочим, по проекту бывшего адвоката Джорджа Эдмунда Стрита. Сегодня охраняется государством. Потому как памятник. Но живой. Со своими традициями, устоями и целями, главная из которых банальна и проста — суд устанавливает истину. И цели этой королевский судный двор изменять не хочет. Причем даже тогда, когда изменить ей просит само государство. В ответ из Royal Courts of Justice дают понять: мы независимы, и давить на нас бесполезно.

Мнение правительства суд не интересует

Свою приверженность целям и традициям британское правосудие сегодня вынуждено доказывать в связи с делом об убийстве Александра Литвиненко. Именно в стенах Королевского суда никак не может начаться по существу коронерское дознание о причинах смерти российского эмигранта. Процесс тормозят британские власти, потребовавшие исключить из публичного следствия ключевые материалы дела, которые сами и предоставили еще несколько месяцев назад. А именно — свидетельства о возможной причастности к смерти Литвиненко российского государства и о том, что британская разведка MI-6 якобы могла предотвратить гибель экс-офицера ФСБ.

Просто так сложились звезды, что именно сейчас Великобритания решила замириться с Россией по сирийскому вопросу. Тут и выяснилось, что материалы по делу Литвиненко, как сказал судье-коронеру сэру Роберту Оуэну министр иностранных дел сэр Уильям Хейг, могут нанести «ущерб национальным интересам всего королевства».

Так не пойдет — ответил судья: не то чтобы он вмешивается в политику, но не желает, чтобы политика вмешивалась в его дела — то есть в отправление правосудия и исполнение профессионального долга. И сэр Оуэн день за днем объясняет правительству, в чем смысл, задачи и цели коронерского дознания. А если правительство не прислушается, то он, сэр Роберт Оуэн, выйдет из дела, поскольку не собирается из суда устраивать фарс.

...Inquest — так в Великобритании называется публичное судебное дознание, которое проводится в случае смерти при невыясненных обстоятельствах. Это дознание проводится как раз коронером — специальным судьей при органе местного самоуправления города или графства.

СТРАНИЦА 6

СТРАНИЦА 5

Журналисты и Скотленд-Ярд против правительства Британии и СК РФ

EPA

У инквеста нет статуса официального судебного разбирательства, он проводится вне рамок уголовного дела, нет здесь даже сторон процесса, а есть лишь «заинтересованные лица», желающие установить обстоятельства гибели того или иного человека. Коронер не может вынести приговор. Он лишь заслушивает свидетелей, экспертов, сотрудников спецслужб и полицейских — и на основе всех этих доказательств устанавливает причины смерти. Если это было убийство — называет причастных к нему лиц (но не виновных) и передает дело в традиционный уголовный суд.

Коронерская служба Британии — институт, существующий с 1194 года, правда, изначально он был основан для поддержания интересов монарха в уголовных делах. Должность коронера означает буквально: «представитель интересов Короны».

И вот ныне один из «представителей интересов Короны» — судья по делу Литвиненко сэр Роберт Оуэн — говорит правительству: он, судья, конечно, может не рассматривать в ходе дознания свидетельства о причастности к смерти Литвиненко российских властей, но тогда его, коронера, долг — «проведение полного, справедливого и бесстрашного расследования» — окажется «под сомнением», а сам вердикт — «введет в заблуждение».

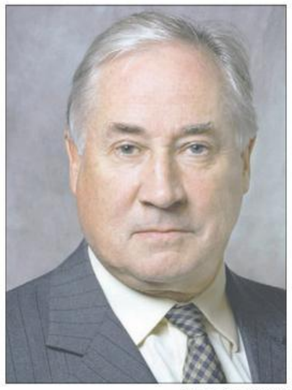
То есть сэру Оуэну, чтобы ответить на вопрос, умышленным ли было отравление Литвиненко полонием-210 и кто может быть к этому причастен, необходимо рассмотреть в публичном процессе ВСЕ доказательства. И слушаться в суде должны версии ВСЕХ заинтересованных лиц: не только Марины Литвиненко и Скотленд-Ярда (настаивающих на причастности к делу россиян Андрея Лугового и Дмитрия Ковтуна), но и версия Следственного комитета РФ (тоже пожелавшего быть заинтересованным лицом) — о причастности к гибели Литвиненко Бориса Березовского. Должна была слушаться и версия подозреваемого Андрея Лугового, но тот отказался, поскольку «пришел к выводу, что британские власти не дадут возможности доказать свою невиновность». Наконец, должны были выслушать и Березовского, но увы...

Все было уже детально расписано, как всегда бывает в английском процессе, но тут вмешался британский МИД: уберите из дела то-то и то-то. И тогда сэр Оуэн вслед за вдовой Литвиненко Мариной, когда-то инициировавшей этот инквест, принимает решение его саботировать — а как иначе, если не дают исследовать ключевые доказательства. В том, что они ключевые, кстати, сомнений не было и у предыдущих коронеров (они по разным причинам не смогли участвовать в деле), которые отмечали публично: «Установлено наличие достаточных доказательств, чтобы обвинить российское государство в смерти Александра Литвиненко».

Судья-саботажник

Оуэну на вид 50-55. Бывший адвокат. В Англии вообще в судьи идут, поработав в адвокатуре: многолетняя практика — обязательна, без этого о белом парике и черной мантии мечтать не стоит.

Марина Литвиненко

Сэр Роберт Оуэн

И мне очень хотелось посмотреть на судью, который «послал» правительство. Это оказалось просто. На предварительные слушания (в России всегда закрытые) может прийти любой. Более того — коронерское дознание создало специальный сайт, на котором уже сейчас публикуются стенограммы заседаний и документы. Там же — контакты для СМИ и публики.

И кто бы вы ни были — журналист или любопытствующий зритель — вы можете написать «менеджеру связи дознания» Майку Уикстиду и просто предупредить, что вы придете на заседание. Так поступила и я. Написала из Москвы, и через 15 минут Майк мне ответил: «Хеллоу, Вера! Вы в каком качестве придете — как публика или как журналист?» Ответила — как журналист. «Ок, — пишет он мне. — С нетерпением ждем встречи с вами! Если ваши другие коллеги или знакомые изъявят желание прийти, дайте знать. Майк». А перед самим заседанием Майк может предупредить: «Приходите пораньше, вдруг в зале не хватит мест».

Когда я впервые увидела Майка — удивилась сильно. Мне-то казалось, что он — такой позитивный паренек из пресс-службы. Но ему, представьте, лет 60. И он каждого с улыбкой встречает на входе.

Вхожу в зал, удобно устраиваюсь в кресле — никакие приставы не мозолят глаза и не стоят над душой, каждые 5 минут напоминая, чтобы я выключила уже выключенный телефон. Приставов или какого-то их подобия тут нет вообще. И без них как-то знают, что звук у телефона надо отключать и требуется соблюсти этикет — не только подняться с места, когда судья входит в зал, но и поклониться ему.

Сэр Роберт Оуэн вел заседание очень спокойно. Только выглядел печальным, особенно в тот момент, когда сообщил, что выйдет из процесса, если правительство помешает сделать инквест открытым для публики и журналистов судебным расследованием. «Если не будет публичности, — говорил коронер, — то я выхожу из процесса».

На него давит правительство, глава МИДа обжалует его решения в вышестоящих инстанциях, а он тихо говорит Марине Литвиненко: «Вы, пожалуйста, доверяйте мне в этом процессе. Вы должны доверять...».

Нет, судью, конечно, никто не беспокоит телефонными звонками. Власти спокойно и цивилизованно обжалуют решения коронера. Другое дело, что сэра Оуэна вмешавшаяся в дело политика весьма огорчает, и он не сдается, все пытается разъяснить. Так, в ответ на выход из дознания Андрея Лугового он публично будет сожалеть, что россиянин просто-напросто не понимает, что принцип независимости суда является фундаментом верховенства права в Британии. А еще судья каждый раз приносит извинение заинтересованным лицам за затягивание слушаний по существу. А еще — требует в суде объяснений от представителя правительства за телефонный звонок Марине Литвиненко (май этого года), когда сотрудник МИДа заверит вдову, что проходившая в тот момент в Сочи встреча Путина и Кэмерона никак не повлияет на дознание. Сэр Оуэн по этому поводу скажет, что «возмущен» действиями властей, которые, минуя официальные юридические процедуры, с какой-то стати совершают звонки заинтересованному по делу лицу. И представитель правительства под смешки публики спешно покинет заседание, чтобы обо всем доложить руководству и принести в суд официальное разъяснение.

Скотленд-Ярд и журналисты

Заинтересованные лица располагаются в зале — напротив судьи. Марина Литвиненко со своими адвокатами сидит рядом с представителями Скотленд-Ярда и юристом от СМИ, по другую сторону — правительство, Минобороны, СК РФ и британское атомное агентство: два лагеря. За «лагерями» в креслах — журналисты и публика. Среди публики иногда можно заметить пытающегося косить под журналиста сотрудника ФСБ.

Да, вы не ослышались. Британские СМИ действительно добились того, чтобы их сделали в процессе заинтересованным лицом. Их адвокат, наравне со всеми, делает заявления, отвечает на вопросы и задает их другим заинтересованным лицам. Позиция СМИ понятна: журналистский пул категорически выступает за публичный процесс и огласку всех доказательств. Правда, когда началась свистопляска с правительством, из корпорации журналистов, решивших участвовать в процессе, вышло государственное ВВС.

Вынеослышалисьдважды. Полицейские из Скотленд-Ярда — тоже заинтересованное лицо. Им важно, чтобы результаты проведенного ими расследования не пропали под завесой государственной тайны и политических договоренностей. В зале сидят те самые полицейские, которые находились в клинике рядом с Александром Литвиненко на протяжении последних трех недель его жизни и допрашивали его, буквально вытягивая каждое слово — из-за образовавшихся в горле язв он уже практически не говорил. И Марина рассказывает мне, что помнит, как эти взрослые мужики, выходя из палаты, не могли сдержать слез... А когда начался инквест, они ей сказали: «Мы будем с тобой» — и теперь тоже настаивают на обнародовании всех материалов, несмотря на мнение своего же правительства.

И всем присутствующим важен вердикт, только — по-разному. Одни — британский МИД, Министерство обороны Великобритании (его представитель и вовсе просит засекретить всех свидетелей), атомное агентство и наш российский Следственный комитет — бьются за то, чтобы ни в коем случае не допустить «утечек». А другие — вдова, журналисты и полиция — просто хотят знать: действительно ли 1 ноября 2006 года в Лондоне, в отеле «Миллениум» на Гровенор-сквер был совершен акт ядерного терроризма. А если да, то кто его совершил.

Вера ЧЕЛИЩЕВА,
спец. корр. «Новой»,
Лондон — Москва

> Судья Оуэн устроил выволочку правительству, заявив, что ему мешают в исполнении долга: «полного, справедливого и бесстрашного расследования» дела о гибели Литвиненко

P.S. *Очередное предварительное слушание по делу состоится в начале июля. К этому времени правительство Великобритании пообещало дать окончательный ответ.*

«У России есть параллельный бюджет, состоящий из черных денег»

Европол идет по следам, на которые навел Сергей Магнитский

Полицейская организация стран Европейского союза проводит операцию по борьбе с отмыванием преступных денег из России в банках Европы. Об этом стало известно из доклада, которой подготовил для Совета Европы швейцарский парламентарий Андреас Гросс, известный своими расследованиями политической ситуации в Чечне, последствий войны между Россией и Грузией, нарушений прав человека в Косово и других резонансных дел.

Андреас Гросс, автор доклада

Во вторник документ под названием «Убийцы Сергея Магнитского не должны остаться безнаказанными» обсуждался на заседании комитета Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) по правовым вопросам и правам человека. По итогам обсуждения было принято решение раскрыть содержание доклада.

Гросс составил доклад на основе изучения документов, а также состоявшихся с ноября по май встреч в Берне, Лондоне, Москве и Никосии. В нем сообщается, что 25 апреля в штаб-квартире Европола в Гааге состоялось закрытое совещание по координации расследований в разных странах Европы. Европейские полицейские ищут денежные переводы, источником которых могут быть раскрытые Сергеем Магнитским схемы незаконного возврата налогов.

Европол не комментирует сообщения о проводимой операции, ссылаясь на действующие правила конфиденциальности. Однако из источников Еврокомиссии в Брюсселе известно, что Австрия, Финляндия, Болгария, Кипр, Эстония, Латвия, Литва и Швейцария участвуют в консультациях с финансовой разведкой ЕС. Представители Европола были на заседаниях отдела финансовой разведки Еврокомиссии 7 февраля и недавно, в июне. Роль Европола состоит в сборе информации для уголовного дела.

Сам Гросс в докладе Совету Европы призвал Европол идти до конца по следам грязных денег, куда бы они ни вели. По его словам, российские власти должны были бы возглавить подобную кампанию, потому что речь идет о деньгах, украденных у российского народа.

Парламентарий утверждает, что Магнитский был здоров до своего ареста в 2008 году. Но за 11 месяцев предварительного заключения из-за бесчеловечных условий содержания и употребления прописываемых ему медикаментов заболел панкреатитом. Охранники избивали его резиновыми дубинками 16 ноября 2009 года, в день, когда он умер. «Нет сомнений в том, что некоторые из причин смерти Магнитского были созданы преднамеренно неизвестными лицами», — делает вывод Андреас Гросс. Он рассматривает версию о том, что Магнитского довели до смерти как раз российские должностные лица, связанные с преступной группировкой Дмитрия Клюева.

Швейцарец утверждает, что видел всю документацию, показывающую, что деньги из российского бюджета шли в банк мошенника Дмитрия Клюева, а из него — в банки ЕС, которые проверяют сейчас Европол и финансовая разведка Евросоюза. «Серьезные деньги не могут исчезнуть бесследно и всегда оставляют нестираемые цифровые следы. Мировая финансовая система работает как гигантский бухгалтерский отчет», — пишет Гросс.

Он дает свой ответ на вопрос, почему Россия покрывает подозреваемых. Цитируя анонимные источники, парламентарий отмечает: «У России есть огромный параллельный бюджет, состоящий из черных денег. Он используется для укрепления и расширения элитарной власти в России и даже за ее пределами, особенно на территории бывшего СССР». Этот теневой фонд предположительно пополняется за счет возврата налогов, откатов при госзакупках и незаявленных отчислений государственных корпораций. По мнению Гросса, Магнитскому просто не повезло, когда он натолкнулся на операцию, которая была составной частью этой системы.

Доклад, в случае его оглашения на Парламентской ассамблее Совета Европы, где заседает многочисленная делегация российских парламентариев, грозит вызвать очередной скандал. Совет Европы, членом которого является Россия, едва ли в состоянии принять против Москвы конкретные меры. Значительно больше возможностей у Евросоюза. В свою очередь, сам Гросс не сторонник резких действий в отношении России, в том числе европейского аналога американского «списка Магнитского». Такой путь, по его мнению, связан с практическими и правовыми трудностями, потому что не имеет юридической основы.

Александр МИНЕЕВ,
соб. корр. «Новой»,
Брюссель

Семен Новопрудский

Профессионалы — генетически чужие в российском царстве окончательной стабильности

Саяно-шушерская ГЭС

Избавление российской власти от остатков профессионалов на нынешнем этапе развития (если происходящее можно назвать именно этим словом) страны вполне естественно. Профессионалы для диктатуры национального лидера с опорой на уралвагонзаводцев всех мастей одновременно вредны и бесполезны. Вредны, потому что знают, как надо, и лучше других видят, куда мы катимся. Бесполезны, потому что в нынешних условиях у них все равно ничего не получится (см. текст Андрея Колесникова «Круговорот экономистов в природе» в прошлом номере «Новой»).

Редкий день приносит новости о назначении сразу трех профессионалов на формально ответственные государственные посты. В данном случае все три назначения были предсказуемы, а одно из них давно официально утверждено. Эльвира Набиуллина стала главой Центробанка, министр экономического развития Андрей Белоусов занял ее место помощника президента, а первый заместитель главы ЦБ Алексей Улюкаев возглавил Министерство экономического развития. Все трое отличают прибыль от дохода и не поналышке знают, что такое ставка рефинансирования. Не состоят в «Единой России» и «Народном фронте — За Россию!». Не писали диссертаций, целиком состоящих из чужих цитат.

В общем, замечательная новость. Власть пока еще понимает, что Центробанк — хотя бы для проформа — должна возглавлять Эльвира Набиуллина, а не Света из Иванова или какая-нибудь пламенная Озимая-Яровая. Что помощником президента по экономике должен быть профессиональный экономист, а министром экономического развития — человек, который понимает, как бы могло выглядеть экономическое развитие, если бы его здесь действительно кто-нибудь хотел.

Но в целом в политическом, научном и технологическом пространстве торжествуют люди совсем иных свойств. Среди депутатов вы днем с огнем не сыщете тех, кто действительно разбирается в законах. А те, кто разбирается, давно не демонстрируют этих навыков, чтобы не прослыть крамольниками. Губернаторский корпус составляют все более левые (не в смысле политической ориентации) люди. Апофеозом отношения путинизма к профессионалам стала случившаяся, по иронии истории в президентство Дмитрия Медведева, 17 августа 2009 года авария на одной из крупнейших в мире Саяно-Шушенской ГЭС. В ходе расследования техногенной катастрофы, унесшей 75 человеческих жизней, помимо банального жульничества с ремонтом, выяснилось, что в России не осталось инженеров-энергетиков, способных балансировать большие турбины. Это была такая трагическая метафора деградации страны, пошедшей по пути кладбищенской стабильности и доедания элитой обьедков советской экономики.

Профессионалы во власти некоторое время сохранялись потому, что власть решала прикладные задачи. Владимиру Путину сразу после прихода к власти нужно было формулировать какую-то политику, поэтому в Кремле был Глеб Павловский. Потом надо было создать видимость политической системы — понадобился Владислав Сурков. «Володин Сурков» кажется светочем мысли на фоне «Володиного Володина» только потому, что больше никаких содержательных задач перед властью не стоит. Установили олимпийский рекорд по освоению казенных денег на зимней Олимпиаде в Сочи-2014, потом будем устанавливать мировой рекорд в этом же виде спорта перед чемпионатом мира по футболу-2018. В процессе установления этих рекордов цезарь должен быть на месте, соратники рядом. «Мы будем допиливать недопиленное, а вы нас любите просто за то, что мы есть. Если не мы — то никто» — вот вся политическая, экономическая и гуманитарная программа режима.

Россия стала сплошной Саяно-шушерской ГЭС — бессмысленным объектом бессодержательной политики, где всем заправляет верховная шушера с опорой на шушеру низовую. Где «больно умным» и «больно грамотным» становится все более больно. Потому что они генетически чужие в этом царстве окончательной стабильности, внутри той техногенной политической катастрофы, в которую мы плавно погружаемся на волне неизменности власти и преемственности курса.

В общем, если профессионалы массово начнут возвращаться на командные должности в России — считайте, что в стране началась реальная политическая реформа. Но пока не начнется — не начнут...

Бабий бунт задушили, измотав «противника»

Голодовка многодетных матерей продемонстрировала, что добиться обещанного государством можно, только рискуя жизнью

На 24-й день голодовка многодетных матерей у главного офиса партии власти в Москве закончилась. Все живы, здоровье подорвали. Оксана Рыжкова попала в больницу с сердечным приступом после жесткого задержания омоновцами на пятый день голодовки. Ирина Калмыкова с тяжелым обострением холецистита была направлена скорой в Первую градскую на 22-й день голодовки. Екатерина Мальдон обошлась без экстренной медицинской помощи, но в себя приходить будет еще долго. Для тех, кто не в теме, — требовали женщины обещанных законом жилищных льгот.

До этой отчаянной акции в биографии каждой — многочисленные обращения к чиновникам, отписки, обещания. То есть сидеть денно и нощно на асфальте, без еды, туалета, в дождь и жару, прислонившись к шершавой стене державного офиса, пошли не от отчаяния, а от ожесточения, которое на отступление шанса не оставляет.

Догадывались ли партийные деятели, что дело придется иметь не с тетками в неврозе с быстротекущей истерикой, а с камикадзе, в паспорте которых страница «дети» заполнена до упора?

Видимо, не очень догадывались. В противном случае история с правами многодетных матерей в сухом остатке не выглядела бы столь позорной для тех, к кому обращались женщины.

Я даже не о том, что безоговорочной победы голодавших, которая в пропагандистском смысле была бы не выгодна «ЕдРу», не случилось. Я о стилистике борьбы с ними.

Сначала женщин пытались урезонить ОМОНом. «Новая» писала о том, как это было. Два задержания, волоком в автозак, ночь в СИЗО, суд и штраф, присужденный Мещанским судом, по 15 тысяч за незаконное проведение акции. Синяки и ссадины, сердечный приступ у Оксаны Рыжковой. Они вернулись к порогу, который обивали, уже без лозунгов про «геноцид многодетных». Постелили «пенки», уселись на них, потому что через неделю голодовки, даже сидеть было утомительно, и продолжили голодать за справедливость по отношению к детям.

Жители ближайших домов носили чай, пледы и заряжали мобильные телефоны. Сотрудники и руководитель офиса «Единой России» ограничились разговором, приняли заявления женщин и обещали разобраться.

Туалет и чай для мам остался за скобками их компетенции.

Через неделю московские власти пообещали Екатерине Мальдон выплатить в ближайшее время положенную на приобретение жилья субсидию. Екатерина голодовку прекратила, но с места действия не ушла из солидарности. Оксана Рыжкова, выписавшись из больницы, уехала домой в Набережные Челны, где ей тоже пообещали решить проблему с жильем. Ирине Калмыковой сообщили, что ее документы переслали в Ханты-Мансийск, где она проживала, и там будут разбираться. У офиса Калмыкова и Мальдон просидели еще 16 дней.

Впрочем, хеппи-энд не случился. И даже не потому, что он в принципе невозможен, когда скорая увозит полуживого человека в больницу, а потому что справедливость не может быть подачкой.

Я позвонила Оксане Рыжковой в Набережные Челны, спросила, как дела. Оксана рассказала, что в мэрии ей пообещали временно выделить еще две комнаты в том общежитии, где она в 27-метровой комнате живет с 7 детьми. Дальше этого дело не продвинулось. Приходила комиссия, смотрела, как живут дети. Никаких письменных гарантий, что обещание сбудется, у нее нет. А если комнаты ей дадут на другом этаже, то формально получится, что дети живут не с ней, а отдельно, и тогда по законодательству Татарстана она лишится права на льготную очередь на получение жилья.

Катя Мальдон о своей «победе» просила не писать, пока у нее на руках не будет сертификата на получение субсидии. Один раз уже сорвалось. Через две недели после заверения в том, что в ближайшие месяцы она получит субсидию, Мальдон узнала, что многодетным очередникам в департаменте жилья сообщили, что выплат не будет. Екатерина тут же возобновила голодовку. Неугомонную мамашу через несколько дней все же пригласили в департамент жилищной политики и уверили, что обещание в отношении нее сдержат. Она ждет.

Ирине Калмыковой пришел ответ из администрации Ханты-Мансийского округа. Заместитель губернатора по фамилии Путин сообщил ей, что рассчитывать ей не на что. То есть нет у округа никакой возможности, чтобы она и ее дети, после того как у них сгорел дом, перестали быть бомжами.

Самое типичное, и потому страшное, в истории Ирины то, что формально чиновник Путин прав.

Примечательно, но за все эти 22 дня голодовки ни уполномоченный по делам детей Астахов, ни его региональные коллеги так и не поинтересовались: «А как там дети голодающих мам?» Детьми в этой истории вообще никто из чиновников не поинтересовался.

Короче, бабий бунт задушили, измотав «противника». Расплатились так, чтобы стало очевидно — рассчитывать на то, что всем многодетным перепадет обещанное государством, бессмысленно. Этих обнадежили не потому, что они в своем праве, а затем, чтобы не умерли на пороге офиса партии власти. Кому нужна такая бессмысленная смерть?

Наталья ЧЕРНОВА,
обозреватель «Новой»

ПЯТНИЦА, ІЗ-Й

Борис БРОНШТЕЙН, обозреватель «Новой»

Быстрее, выше, сильнее, дороже

До открытия Универсиады в Казани — неделя, но еще не все горожане поняли, что им привалило счастье

Маркиза де Помпадур, фаворитка одного из Людовиков (не припомню его инвентарный номер), как-то высказалась: «После нас хоть Универсиада!» Из-за неточности перевода крылатая фраза дошла до нас в искаженном виде — откуда-то взялся подъем уровня воды, но казанцам сейчас не до этих лингвистических погрешностей, у них — Универсиада. Не после них, а при них.

В эти последние до всемирного студенческого спортивного праздника дни в Казани бросаются в глаза две категории мужчин. Одни, голые по пояс, с утра до ночи что-то достраивают и асфальтируют. Другие, не голые по кобуру, а, наоборот, отутюженно одетые, слоняются по улицам, стоят на перекрестках, сидят на лавочках и не знают, чем заняться. При этом голые и жилистые — чаще всего не россияне, а одетые и пухлые — наши, родные. Это нынешняя Россия: тысячи молодых здоровых парней не сеют и не пашут, и на стройках не работают — они на страже порядка, которого у нас никогда не было.

Из 20 с лишним регионов стянуты в Казань полицейские силы. Появились они тут недели за три до Универсиады. Для их досуга организовали несколько концертов, провели турниры по шашкам и шахматам, в ходе которых лишний раз выявилась разница между пешкой и полицейским: пешка ходит вперед, а бьет по диагонали, полицейский же ходит куда пошлют, а бьет по своему усмотрению. Потом эти умственные занятия сбалансировали соревнованиями по дартсу (метанию дротика в мишень).

Сообщалось, что полицейские прошли курсы английского, но по некоторым наблюдениям, они избыточно овладели русским устным. В моем дворе они громко демонстрировали эти знания, и знакомый пенсионер сделал им замечание. Нетрудно предположить, куда они его послали бы, но дед оказался полковником милиции в отставке. «Я не выдержал, позвонил в МВД республики», — рассказывает он. Возможно, сквернословов наказали. Допустим, лишили таиландского супа в ресторане «Деревни Универсиады» на три с половиной тысячи посадочных мест, работу которого в эти дни репетировали на полицейских (не на рабочих-азиатах же репетировать).

Как ни удивительно, Казань с ее мощным административным ресурсом заканчивает строительство объектов Универсиады и асфальтирование улиц в самый последний момент. Правда, студенты из 162 стран это поймут: они тоже готовятся к экзаменам в последнюю ночь. Наверное, со стройками затянули потому, что вместо строителей пригласили каких-то девелоперов. А если в дальнейшем выяснится, что на объектах кое-что разворовали, то это потому, что вместо охранников там секьюрити.

Объекты, разумеется, дорожали — вопреки экономической науке, которую, как и всякую другую науку, на время студенческих соревнований можно выкинуть из головы. Так, главный стадион на 45 тысяч мест намеревались построить за 5,6 миллиарда рублей. Потом обоснованно поправили цифру на 8,7 миллиарда. В декабре заявили: «12 с половиной миллиардов — и проветрим сейф!» А сейчас выяснилось, что 15 — в самый раз. И даже три-четыре монеты останется, чтобы бросить в фонтан на счастье.

Доставать монеты из фонтанов, чтобы хоть как-то пополнить городской бюджет, Казань будет после Универсиады. Сколько у нее долгов, горожанам лишний раз не напоминают. В начале года сообщалось, что муниципальный долг Казани превысил 30 миллиардов рублей — это в два с половиной раза больше собственных доходов бюджета. Из них 25 миллиардов — бюджетные кредиты на подготовку Универсиады. При этом есть надежда, что долги спишут. Или забудут. Или по-спортивному не засчитают как набранные под влиянием допинга.

Что же касается бюджета Татарстана, то из него на Универсиаду к началу 2013 года был потрачен 81 миллиард — в том числе 62 миллиарда кредитов из федерального бюджета. «Огромное спасибо, Владимир Владимирович, вам, Министерству финансов России, — сказал на заседании Совета по развитию физкультуры и спорта при президенте РФ глава республики Рустам Минниханов. — Мы реструктуризировали этот долг и со временем должны вернуть». Помимо того, к январю на Универсиаду ушло еще 67 миллиардов из российского бюджета (это не кредиты) и 80 миллиардов из средств инвесторов. Сколько денег уйдет к июлю, невозможно сосчитать из-за жары — калькуляторы перегреваются, сбиваются с настроек и цифры прыгают.

Казанцам уже объяснили, что спортсмены и полицейские уедут, истребители, вызванные для охраны города с неба, улетят, а деньги не улпывут. Они вложены в город и даже в деревню — в Деревню Универсиады из 28 жилых корпусов. Останутся отремонтированные дороги, построенные развязки и станции метро, останутся спортивные сооружения, где каждый казанец сможет прыгать в длину, если до того не повредит толчковую ногу у себя во дворе, где ямы и выбоины как были, так и остались.

В общем, долго терпели, когда нельзя было никуда ни пройти, ни проехать, потому что всё вокруг было перекопано, потерпим еще две недели, когда нельзя будет никуда ни пройти, ни проехать из-за полицейских перекрытий. Зато Татарстан прославится на весь мир, и его перестанут путать с Казахстаном. А Казань перестанут путать с Сочи, так как все увидят, что пальмы с кипарисами здесь не растут и на зимнюю Олимпиаду столица Татарстана явно не тянет.

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Мак — пожизненное растение

Несуществующие горы кайфа рисует в своих отчетах ФСКН. А кондитерам и импортерам бакалеи светит пожизненное заключение

В скандальном «маковом» деле — очередной поворот: бизнесмену Сергею Шилову, а также его сыну, брату и нескольким другим деловым партнерам к уже существующим обвинениям в контрабанде и обороте наркотиков добавляют еще и ст. 210 УК РФ — «Организация преступного сообщества». Наказание вплоть до пожизненного.

«Группа Шилова», напомню, занимается экспортом бакалеи, среди которой до недавнего времени был и кондитерский мак. Теперь в ассортименте мака нет, зато Шилов и его партнеры — едва ли не главное «наркотическое» пугало, которое демонстрирует публике ФСКН. Основная суть шиловского «преступления» давно известна. По версии следствия, он покупал у зарубежных производителей и завозил в Россию «наркотические средства опийной группы, замаскированные под пищевой мак».

Шилов по натуре своей — совсем не овечка. Но и не бандит. Он ловкий коммерсант. Человек, умеющий считать деньги и тонко чувствующий рынок. Поставками мака он занялся ровно в тот момент, когда по этому поводу уже плотовала наркополиция, когда уже пошли первые посадки за загрязненное соломой маковое зерно. Он рассудил так, что чем более рисковое это будет дело — тем меньше будет конкурентов и тем больше он сумеет на нем заработать. Свой мак Шилов подвергал тщательнейшей очистке, дополнительной к той, что обеспечивал производитель, — он, я думаю, к тому моменту знал уже о том, что за кондитерский мак в России давали сроки и по 7, и по 15 лет.

Риск Шилова оказался оправданным — довольно быстро он занял около 20% российского рынка поставок мака.

Первая партия мака (42 тонны), вменяемая теперь Шилову и компании как «особо крупный размер наркотических средств», была арестована на Брянской таможне еще в 2010 году. До ФСКН эту же партию проверили таможенники, но ничего подозрительного не нашли. Зато эксперты наркополиции, тоже не с первой попытки, но все же констатировали, что в партии содержатся наркотические вещества: 295 граммов морфина, 209 граммов кодеина и неустановленное количество тебаина. Партию арестовали как опасную, однако об уголовном деле речи поначалу не шло. Я думаю, что тогда речь шла о том, чтобы позолотить ручку, но бизнесмен Шилов, видно, посчитал это напрасной издержкой.

И все же: как эксперты смогли насчитать в арестованном маке такое количество наркотиков? А очень просто. Мак сам по себе — наркосодержащее растение. Млечный сок, содержащийся в коробочках и стеблях мака, известен миру как опий. При этом маковые зерна к наркотикам отношения не имеют, наркотических средств в себе не содержат — на это есть даже особая резолюция ООН. Когда европейские заводы (а у нас в стране возделывание мака запрещено с советских еще времен) производят кондитерский мак, они подвергают его особой очистке, чтобы исключить все примеси. Однако даже после самой тщательной очистки на зернах мака все равно остается ничтожное количество веществ, «напоминающих» о его исконной наркотической сущности. В аналитической химии это называется «след» — самого вещества нет, выделить его невозможно, а прибор на него все равно реагирует. В партии мака, изъятого у Шилова, экспертиза обнаружила **0,00069% морфина и 0,00049% кодеина**. Эти стотысячные доли процента эксперты помножили на 42 тонны — и получили те самые граммы. При этом выделить указанные наркотики из 42 тонн изъятого мака на практике невозможно, да никто и не ставил себе такой задачи. Эксперты ФСКН так и написали: «...масса наркотического вещества, которое, вероятно, можно получить из мака». (Это «вероятно» благополучно перекочевало ныне и в новое обвинительное заключение.)

Шилов, как я уже говорила, — коммерсант. И он тогда стал за свой арестованный мак биться. Чтобы доказать органам, что мак безопасный и никакой угрозы для общества не представляет, он связался с Пензенским НИИ сельского хозяйства и попросил ответить тамошних специалистов на некоторые вопросы, которые возникли у него по мотивам экспертизы. Особенно его, конечно, интересовало, насколько вообще правомерно умножать след в количестве стотысячной доли процента на общий вес партии мака. И институт прислал ему свое мнение, которое в целом сводилось к тому, что умножать, конечно, можно, если очень хочется. Но наркотического эффекта от этого мака не получишь. Были также приведены ссылки на исследования, в которых говорилось, что современными методами анализа установлено наличие следов морфина и кодеина в любой партии мака.

Ответ подготовила заведующая химико-аналитической лабораторией Ольга Зеленина, которой письмо от Шилова расписал ее непосредственный начальник, директор НИИСХ Смирнов. После этого против Шилова и группы его компаньонов было заведено уже уголовное дело, совсем скоро втянувшее в свою орбиту и Ольгу Зеленину (как и у Шилова: ст. 188 «Контрабанда», ст. 228-1 «Сбыт наркотиков»; плюс ст. 286 «Превышение служебных полномочий»). По версии следствия, она писала в своем письме (которое и экспертного-то статуса не имело) заведомую неправду, выгодную Шилову и способную ввести в заблуждение контролирующие органы, которые противостоят поставкам наркотиков в Россию.

И Зеленина, и Шилов, и его компаньоны год назад были арестованы, провели в СИЗО по несколько месяцев.

Тем временем у Шилова было задержано еще порядка 200 тонн мака на складе в подмосковном Пушкине, все приплюсовалось к уголовному делу. ФСКН методично, мешок за мешком, перетрясла весь этот товар. И тоже экспертизы получились не сильно убедительные.

В том, что мак, ввозимый Шиловым, был чистый — лично у меня сомнений нет. Мне известно, что прежде, еще до проблем с ФСКН, он специально заказывал регулярные экспертизы проб с новых партий в МВД — именно для того, чтобы избежать проблем с хлопотным товаром. Любопытный момент: эксперты МВД делают подобные исследования только в рамках какого-нибудь уголовного дела. «Так какие проблемы? Заведи на мой мак вечное уголовное дело и давай экспертизы делать!» — сказал тогда Шилов какому-то полицейскому чину.

Также Шилов рассказывает, что позже, когда уже и из московского УФСКН к нему на склад стали ходить с проверками (якобы по заявлениям конкурентов), у «прикрепленного» оперативника Паши даже ключи от склада были.

Думаю, что где-то еще и в этом моменте коммерсант Шилов допустил досадный промах, отказавшись подмазать кого-то из зачастивших визитеров. Теперь и мака нет, и пожизненное в перспективе.

Почему Шилову и его партнерам вменяют группу именно сейчас, спустя столько времени после начала расследования? Это очевидно: дело уже пора передавать в суд, а в суде-то позиции ФСКН без дополнительного укрепления их арестом обвиняемых будет смотреться шатко. То есть нужно маковых предпринимателей обратно арестовать. А статья, тянущая на пожизненное, — чем не повод для нового ареста?

Главный вопрос, который я задаю Шилову на протяжении года, в течение которого разбираюсь в его деле: кому надо его сажать? Шилов мнется и не говорит ничего конкретного, однако подчеркивает любопытную деталь: одновременно с тем, как разгоралось шумное уголовное дело против него и его «группы», оптовые закупочные цены на мак подпрыгнули втрое! «Вот бы мне при таких ценах поработать!» — смеется он и потирает руки. Возят мелкие, разрозненные поставщики. И рынок, конечно, сильно сократился — о чем вот уже год крупный хлебопекарная промышленность. Мак ведь идет не только на булки-баранки, его масла много где применяются.

Виктор Иванов, глава ФСКН, недавно публично оценил рынок сбыта мака (который якобы содержит в себе наркотики) в 6 млрд рублей. По подсчетам экспертов, оборот от продажи мака куда скромнее: порядка 3 млн долларов. «Но и это деньги для людей помельче», — резонно замечает Шилов. Очевидно, однако, одно: правоприменительная практика в деле контроля мака покроена таким образом, что произвольно можно посадить кого угодно. Любого поставщика, продавца или покупателя кондитерского мака. Любого, без исключений.

К слову, на недавней пресс-конференции Виктора Иванова я задала ему ровно этот вопрос: уж если на семенах мака всегда будут обнаруживаться эти самые «следы наркотических веществ», и факт обнаружения следов, как мы видим по делу Шилова, достаточное основание для возбуждения уголовного дела — то есть ли вообще в России легальный мак? Тот, за который невозможно посадить? Виктор Петрович в ответ на мой вопрос устроил собравшимся журналистам экскурс в историю, рассказал о том, что в 80-х годах возделывание мака в стране было запрещено, но вот лично он всеми руками за легализацию возделывания мака в России. Я повторила свой вопрос. И снова Виктор Петрович не ответил мне, а пустился в пространные рассуждения о том, что в Европе мак как-то иначе классифицирован, «а мы говорим о сближении стандартов».

Мне сдается, что директор ФСКН Иванов прекрасно понял, о чем я его спрашивала. И еще мне кажется, что когда работа собственной организации заставляет офицера и даже целого генерала публично выкручиваться и уходить от весьма простого вопроса — то что-то не то происходит в организации.

Ольга БОБРОВА

НоваяМосква

Кандидатов отфильтруют начисто

Если не отменить «депутатский фильтр», выборы мэра Москвы будут совсем уж формальными

Нескольких кандидатов в мэры Москвы обвинили в подкупе муниципальных депутатов. Тем временем «депутатский фильтр» предлагают в принципе отменить...

Кандидат Навальный при существующей системе выборов может не получить к ним допуска

Евгений ФЕЛЬДМАН — «Новая»

Время поджимает: у кандидатов осталось меньше двух недель, чтобы закончить с подписями муниципальных депутатов и избирателей, — 10 июля все собранные голоса нужно представить Мосгоризбиркому. У которого будет десять дней, чтобы проверить все подписи и решить, кого допустить до следующего этапа.

Сам по себе муниципальный фильтр — минимум 110 голосов муниципальных депутатов для каждого кандидата — вызывает многочисленные нарекания. Депутатов по Москве — 1852, а кандидатов (на момент подписания номера) уже 29. При таком раскладе в самом идеальном варианте пройти смогут только 16 человек. Этот идеальный вариант предполагает, что, во-первых, в поддержку кандидатов выскажется каждый муниципальный депутат, а во-вторых, они распределятся поровну: по 110 человек — на каждого из 16.

Только даже этот чисто гипотетический вариант невозможен — так, Сергей Собянин уже набрал 250 голосов в свою поддержку: на этом решил остановиться, чтобы не мешать остальным. Некоторые кандидаты, у которых есть самые реальные шансы, например, Иван Мельников от КПРФ (в Москве 248 депутатов-коммунистов), скорее всего, решат подстраховаться и собрать дополнительные к 110 подписям — зная, как сложно бывает убедить Мосгоризбирком в подлинности голоса.

С уверенностью сказать, что все хорошо, можно пока только про Сергея Собянина — муниципальные депутаты обеспечили ему билет в финал. Правда, Собянину как самовыдвиженцу нужны еще 73 тысячи голосов избирателей, но с этим проблем не возникнет — у кандидата уже более 40 тысяч подписей. В Москве открыты 220 точек, где волонтеры собирают голоса в поддержку бывшего мэра и нынешнего и.о. мэра.

У других кандидатов дела обстоят сложнее. Самые сильные позиции — у Мельникова, коммунисты даже заявили, что готовы поделиться частью голосов своих депутатов, это составит 80–90 подписей. В «Справедливой России» ставка сделана на сильного кандидата: напомним, эсеры дольше всех не могли определиться со своим представителем, в результате был выбран Николай Левичев, председатель партии. Правда, Левичев может потерять голоса даже своих — по крайней мере, два депутата «Справедливой России» собираются отдать свои голоса за Навального.

В лагере оппозиции, весьма разрозненной в условиях предвыборной борьбы, на счету каждая подпись. Партии «Яблоко» удалось собрать около половины необходимых подписей депутатов. В штабе Навального цифры пока не разглашают — некоторые прогнозируют, что 50–60 голосов кандидат соберет без проблем за счет оппозиционно настроенных депутатов, а дальше начнутся проблемы. Около 40 подписей собрал Глеб Фетисов, председатель партии «Альянс зеленых». Александр Закондырин, председатель совета регионального отделения партии, курирующий сбор голосов в поддержку Фетисова по Москве, рассказал, что многое зависит от географии: так, сложнее всего оппозиционным кандидатам приходится в Южном округе и муниципальных образованиях «Новой Москвы».

В условиях высокой ценности каждого голоса неизбежно возникают разговоры о его высокой цене: муниципальный фильтр — действительно хорошая база для возникновения черного рынка подписей. После отказа Михаила Прохорова от участия в выборах некоторые «эксперты» прогнозировали в социальных сетях, что теперь стоимость подписи упадет: все-таки платежеспособность Прохорова значительно превышает платежеспособность большинства участников гонки.

Претензии — пока что в СМИ — уже предъявляют к Фетисову: якобы он предлагает некоторым депутатам по 200 тысяч рублей за голос. В «Альянсе зеленых» эти предположения опровергают.

— Нас пытаются упрекнуть в подкупе, но это не так, — говорит Закондырин. — Все знают, что Глеб Геннадьевич — состоятельный человек. Но мы ничего такого никому не предлагаем.

На прошлой неделе появилась информация о том, что аналогичными методами собирает подписи штаб Навального. Александра Парушина, депутат района Хамовники, рассказала, что ей позвонили с неизвестного номера и спросили, как она смотрит на денежную мотивацию в размере 3 тысяч долларов за голос в поддержку Навального. Похожие звонки получили еще несколько депутатов.

В штабе Навального считают, что это неуклюжая попытка дискредитировать кандидата. В принципе, обвинения кандидатов в подкупах — неотъемлемая часть любой кампании. Особенно когда есть такая возможность в виде фильтра.

Многие кандидаты были бы не против его в принципе отменить и не возводить дополнительных барьеров, предоставив избирателям возможность самим решать, кто займет пост градоначальника. Группа депутатов Госдумы от КПРФ и «Справедливой России» даже оформила это предложение в виде законодательной инициативы. На вторник законопроект об отмене муниципального фильтра стоит в повестке заседания Думы и должен быть рассмотрен в первом чтении. Правда, Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству уже вынес отрицательное заключение.

— Мы предлагаем сделать прямые нормальные выборы, — поделился с «Новой» Дмитрий Гудков, один из авторов проекта. — Профильный комитет вынес заключение, несмотря на цифры, которые мы приводили. Так, в среднем по стране у КПРФ 5% муниципальных депутатов, а фильтр — где-то 7–10%. То есть даже вторая по численности парламентская партия не может его нормально преодолеть.

Гудков считает: раз вердикт комитета отрицательный, рассмотрение на заседании станет просто формальностью. Впрочем, пока для законодателей это теоретический вопрос, для кандидатов — суровая реальность, и 10 июля станет понятно, кто смог с ней справиться.

Мария ЕПИФАНОВА

ПОДРОБНОСТИ

Роботы косят от армии

На днях Приволжский государственный боеприпасный испытательный полигон, расположенный близ города Чапаевск Самарской области, возобновил плановую утилизацию снарядов. Методы работы — те же, что привели к несанкционированной детонации, пожарам и человеческим жертвам 10 дней назад. И нет никаких гарантий, что ЧП не повторится в ближайшем будущем. Не под Чапаевском — так на другом полигоне.

Сейчас на складах Минпромторга хранится около 6 миллионов тонн списанных и подлежащих уничтожению боеприпасов. Самые старые образцы снарядов лежат еще со времен Великой Отечественной войны. Сколько лет потребуется для их утилизации, не могут сказать даже эксперты: все зависит от того, какие средства будут выделяться, какие технологии применяться и какие предприятия будут привлечены для выполнения работ. Точно можно сказать только одно — количество списанных боеприпасов будет ежегодно увеличиваться.

За последние три года на полигонах при утилизации погибло несколько десятков человек. «Утилизация — это достаточно сложный процесс, требующий профессионализма и неукоснительного соблюдения технологической дисциплины. Нарушение правил хранения, техники безопасности и привлечение неквалифицированного персонала, то есть тот самый «человеческий фактор» — это основная причина несанкционированных взрывов», — уверен военный эксперт Виктор Литовкин.

В 2011–2012 годах на реализацию федеральной целевой программы по промышленной утилизации устаревшего вооружения было выделено 5,6 млрд рублей. Программа включает в себя пункты, касающиеся разработки, производства и применения робототехники. Именно новейшие разработки ВПК могли бы снизить роль «человеческого фактора», привнеся в процесс уничтожения боеприпасов новейшие технологические решения. Деньги были выделены, а роботов нет. Технологий нет. Есть только взрывы и жертвы.

«В стране есть организации, которые занимаются разработкой робототехники, в том числе малый и средний бизнес, однако им необходимо внимание со стороны государства: Минпромторга и других министерств», — поясняет Виктор Литовкин.

Это «внимание» к наукоемкому производству у нас в стране должны оказывать прежде всего представители ВПК и лично вице-премьер Дмитрий Рогозин, курирующий в правительстве «оборонку». В свое время немало времени проведший в Брюсселе, он видел, какие разработки в области робототехники уже стоят на службе армий НАТО. Вернувшись же в Москву, вице-премьер пока только говорит: вот, например, в эфире НТВ Рогозин на днях рассказывал о том, что «российские солдаты будут дистанционно управлять боевыми роботами и супероружием «нового типа».

В отличие от самого Рогозина, опрошенные нами эксперты знают — роботов у ВПК нет. Как и супероружия. Есть старые снаряды, которые взрываются на полигонах, и резиновый автомат, который Рогозин недавно брал с собой на съезд партии «Родина». Есть еще Стивен Сигал, актер из НАТО, которого Рогозин просил сняться в рекламе какого-то несуществующего оружия.

Позвал бы уж сразу Терминатора Шварценеггера.

Валерий ШИРЯЕВ

Владимир ГИМПЕЛЬСОН
кандидат экономических наук
директор Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ

Экономическая теория предсказывает, что рынок труда в развитых экономиках адаптируется к шокам — как положительным, так и отрицательным — через изменения в численности занятых, а не через изменения в величине заработной платы. Экономическая история дает этому много примеров-подтверждений. Другими словами, если случается глубокий кризис, то работников увольняют и растет безработица, а если экономика растет, то активизируется наем. Заработная плата при этом ведет себя очень инерционно. Тому есть много причин.

ИТАР-ТАСС

Зарплату режут, работников — почти никогда

Российская модель рынка труда

В начале периода реформ в Восточной Европе и в нашей стране царило общее ожидание невероятно высокой безработицы. Оно вытекало как из стандартной экономической теории, так и из понимания того, что унаследованная экономическая структура была нежизнеспособной. Спад в экономике, массовые закрытия предприятий и, как следствие, увольнение людей — все это казалось взаимосвязанной цепью событий. Однако уже в 92-м году, в первый год реформ, аналитики увидели, что дело обстоит не совсем так. Обвал в экономике привел к снижению заработной платы на треть, а занятость лишь начала медленно ползти вниз. Потом в 94-м году был банковский кризис, который также сопровождался сокращением реальной заработной платы еще на треть. Что происходило с занятостью? Почти ничего. Дальше был 98-й год с его кризисом — опять имела место слабая реакция на стороне занятости, но очень сильная на стороне заработной платы.

В нулевые годы наша экономика быстро росла. Этот рост привел к многократному увеличению заработной платы. Занятость же на этом фоне изменилась (подросла) незначительно. Все это позволяет нам говорить о том, что в нашей стране рынок труда работает не так, как в других странах. Такую реакцию мы называем российской моделью рынка труда. Суть ее заключается в том, что адаптация к изменениям происходит преимущественно через подстройку оплаты труда. Это отличает нашу страну от большинства других стран. Возникают вопросы: хорошо это или плохо? Является ли это отражением какой-то особой русской души, или есть более простые объяснения? Наше объяснение, которое базируется на многолетних исследованиях, заключается в том, что для того, чтобы рынок так работал, необходимы соответствующие институты. Одни институты должны «держать» занятость, не позволять фирмам быстро «сбрасывать» или набирать численность; другие институты не должны мешать свободному движению заработной платы вверх и вниз, оставляя ей значительный люфт. Что же это за институты?

Начнем с тех, что влияют на занятость. Прежде всего это трудовое законодательство, определяющее защиту рабочих мест. На английском языке этот набор норм называется employment protection legislation. Оно устанавливает издержки, которые несет компания, когда хочет уволить людей по экономическим причинам. Чем они больше, чем увольнения для работодателя «дороже», тем меньше людей высвобождают. Но чем меньше людей высвобождают в плохие времена, тем меньше нанимают в хорошие. Таким образом, большой налог на увольнение в условиях кризиса становится налогом на наем в условиях подъема. Это стабилизирует занятость. В условиях кризиса у вас нет возможности быстро сократить численность, это слишком дорого; а в условиях хорошей конъюнктуры вы не будете увеличивать численность, ожидая нового кризиса. Ведь после подъема на гору надо спускаться вниз. Таким образом, этот институт вводит значительную инерцию в динамику численности занятых. В России это законодательство является достаточно жестким (то есть предусматривает высокую цену увольнений), однако применяется весьма селективно и неполно. Компании это знают и некоторые нарушают законы в надежде, что смогут избежать наказания. Для большинства же такой режим применения правил создает неопределенность и повышает риски. В итоге они предпочитают не рисковать и не нанимать дополнительных людей даже тогда, когда в этом есть производственная необходимость.

А что происходит на стороне заработной платы? Какие институты дают ей такую потрясающую гибкость? Эти институты отчасти возникают как реакция на законы, регулирующие занятость, отчасти являются следствием иных факторов. Один из них — очень низкий порог заработной платы, который определяется уровнем минимальной заработной платы и/или уровнем пособия по безработице. Это та планка, ниже которой заработная плата не может падать. В нашей стране она крайне низкая, но не может быть высокой в силу разных обстоятельств, среди которых — очень большие различия между региональными рынками труда. Если эта «планка» общероссийская и единая, то она должна учитывать условия наиболее слабого региона.

Но гибкость определяется также тем, может ли зарплата сжиматься (и разжиматься, если понадобится) как гармошка. У нас это достигается с помощью деления заработка на постоянную и переменную части. В итоге зарплата получается своего рода «двухъярусной». Первый ярус — это оклад, оплата по тарифу и т.п., то есть то, что может быть жестко зафиксировано в трудовом договоре, а второй — это разные премии, бонусы, надбавки, которые устанавливаются очень гибко и зависят исключительно от того, как идут дела на фирме, в компании, в организации. Второй ярус фактически работает как автоматический амортизатор, меняясь по величине в зависимости от конъюнктуры. В «хорошие» времена работодатели делятся с работниками прибылями, а в «плохие» — убытками. Но если убытки можно таким образом переложить на работников, то нет необходимости их массово увольнять. Большинство стран такой системой не пользуется, а у нас это очень распространено. Двое из трех работающих в корпоративном секторе имеют такую переменную часть, а сама она составляет в среднем 30-40% от заработка.

Отсюда целый ряд важных следствий. Одно из них заключается в том, что безработица у нас зависит не от того, что и как делает правительство, а во многом от того, сколько гибкости дает фирмам наш рынок труда. Когда сегодня мы говорим о том, что у нас низкая безработица, то надо иметь в виду, что это не столько успех тех, кто отвечает за регулирование экономики, сколько заслуга этих нестандартных институтов рынков труда.

postnauka.ru/video/13152

Антибиотики и простуда у детей

Как не уничтожить вместе с вирусами еще и здоровье ребенка и к чему приводят массовые психозы родителей

Micah TAYLOR

Владимир ТАТОЧЕНКО
доктор медицинских наук,
Институт педиатрии МЦЗД РАМН

Антибиотики были открыты почти 80 лет назад и с тех пор очень помогают человечеству бороться с бактериальными болезнями. Но помогают они только от болезней, вызванных теми бактериями, которые они подавляют. А к другим бактериям их применять бесполезно, и особенно бесполезно их применять при вирусных инфекциях.

Действию антибиотиков угрожают простудные заболевания, при которых большая часть человечества поглощает огромное количество антибиотиков совершенно напрасно. 93–95% всех простудных заболеваний вызывают вирусы. Итак, простуда — вирусное заболевание, и особенно у детей. И здесь сталкиваются две тенденции. С одной стороны, создание новых антибиотиков, которые действуют на всё больший круг бактерий. И массовое применение антибиотиков при простудных, то есть вирусных заболеваниях. Казалось бы, антибиотики не очень ядовитая субстанция: они вызывают, конечно, побочные реакции, но не так много, и не об этом идет речь. Дело в том, что, применяя антибиотики, мы приучаем микробы переносить влияние антибиотиков, создаем устойчивость бактериальной флоры.

В человеческом организме бактериальных клеток гораздо больше, чем человеческих, поэтому кто у кого паразит очень трудно сказать. Эти микробы выполняют определенную полезную функцию. Например, в носу водятся пневмококк и гемофильная палочка, и пока они там водятся, стафилококк дальше ноздрей проникнуть не может. Вы убираете антибиотиком пневмококк и гемофильную палочку, а стафилококки попадают туда, куда им попадать не нужно, и вырабатывают устойчивость. Но и пневмококки вырабатывают устойчивость, и гемофильная палочка вырабатывает устойчивость к все большему числу антибиотиков — и в конце концов, мы имеем человека, нафаршированного микробами, устойчивыми к разным антибиотикам.

Устойчивые микробы ему до поры до времени не вредят, но когда они попадут не туда, куда нужно, например, в легкие, в полость среднего уха, бороться с ними будет очень трудно. Но не только у него самого. Вокруг него ходят люди, они получают его же устойчивую флору. Например, в России пневмококк — этот основной респираторный патоген, который мы не любим, приобрел устойчивость к пенициллину и другим антибиотикам примерно в 10% случаев — это не так много, но у каждого 10-го больного пневмонией мы можем не получить быстрого эффекта от лечения. А во Франции до недавнего времени устойчивыми были 40% пневмококка — видимо, там ели антибиотики ложками. Сейчас устойчивых пневмококков стало меньше. Гораздо выше устойчивость у детей двух-четырех лет: 20—25%. В чем здесь дело? Просто у детей очень плотная популяция пневмококка, дети еще не имеют антител к нему, и в этой плотной популяции легче образоваться клону устойчивых микробов. Если вы придете в детский сад, там 50—60% всех пневмококков будут устойчивыми. А если — в детский дом, в интернатное учреждение, там до 80—90% бывает устойчивыми. И это наша рукотворная работа. Мы сами делаем все для того, чтобы антибиотики не действовали. И это не просто теория, мы постоянно встречаемся с устойчивыми к антибиотикам формами, и сейчас они наблюдаются все чаще и чаще.

Среди населения, например, к макролидам (это эритромицин, азитромицин) устойчивость не самая большая (8%), а если мы в клинике смотрим детей, которые часто болеют, — у них 30%. И мы получаем больных с пневмонией, которая раньше элементарно лечилась макролидами, а сейчас не лечится. Отит, который тоже раньше лечился этими препаратами, не лечится, приходится назначать другие препараты. Что это значит? Это значит, мы получили очень большую частоту устойчивой флоры.

Казалось бы, давайте выпускать другие антибиотики, которые действуют и на устойчивую флору. Выпускают, создаются новые антибиотики, но за последние годы новых антибиотиков стали создавать очень и очень немного.

Мы за 12 лет этого века получили два-три новых антибиотика, не очень безопасных, упоительно дорогих и с рекомендацией применять их редко, как можно меньше, в том числе чтобы не создавать устойчивость к этим препаратам. Новые мощные препараты применяют в больницах, и мы сейчас имеем огромное количество уже не пневмококков, а более «серьезных» микробов: стафилококков, клебсиелл, энтерококков, синегнойную палочку и др., устойчивых к новым антибиотикам. Это очень большая проблема, которая начинается с невинной простуды.

Вы спросите: «Хорошо. Если не антибиотики, чем лечить простуду?» Есть очень хорошее народное наблюдение, что если лечить простуду, она длится одну неделю, а если не лечить, то семь дней. Это наблюдение очень правильное. Почему дети часто болеют вирусными инфекциями? Потому что у них нет антител к вирусам. Вакцин от этих вирусов пока нет, кроме гриппозных, но и ее, безопасную и защищающую на 85%, почему-то население очень не любит и боится, хотя мы еще ни разу не видели грипп у привитого ребенка.

Вирусов — возбудителей респираторных инфекций очень много. Пока ребенок ими не переболеет, он не получит антитела к этим вирусам. Поэтому, нравится нам или не нравится, ребенок от нуля до школы заболевает вирусными инфекциями минимум пятьдесят раз. А если считать самые маленькие эпизоды, то сто раз получается. И ничего с детьми не случается, если их не лечат антибиотиками.

Чем же лечить вирусную инфекцию у ребенка? Прежде всего его надо поить достаточно, при повышении температуры тела он теряет воду с потом. Если он будет достаточно гидратирован, то ему не страшны проявления вирусной инфекции — кашель, насморк — на все хватит воды в его организме. Второе. Если у ребенка зашкаливает температура за 39,0–39,5, надо дать жаропонижающее. Если меньше, не нужно давать, потому что температура помогает бороться с вирусами. И последнее. В аптеках продается бесконечное количество снадобий от гриппа, от кашля, от чего угодно. Если вам очень хочется, можно их применять, а можно не применять, тоже ничего от этого не случается.

И к вопросу о том, почему наука забуксовала с антибиотиками, — пока что мало новых идей. Оригинальные антибиотики создавались из продуктов жизнедеятельности различных плесенных грибков, новые подходы к созданию антибиотиков реализуются медленно. Но ведь важно также понять, почему люди применяют антибиотики там, где не нужно? Этот вопрос относится уже к науке психологии, к развитию массовых психозов и привычек. Хотелось бы, чтобы те ученые, которые занимаются нашим сознанием, нашли способы воздействовать на это поведение, с тем чтобы сохранить антибиотики для будущих поколений.

postnauka.ru/video/11630

Главное, чтобы человек был культурный

99% реальной культуры оказывается за пределами Министерства культуры

Кирилл РАЗЛОГОВ
доктор искусствоведения, ВГИК

Одним из предрассудков, распространенных в обществе, является следование в интеллектуальной деятельности административному делению и вещам, которые придумывает бюрократия. С точки зрения людей, распределяющих деньги, культура — это то, чем занимается Министерство культуры.

И в этом заключается главная проблема. Оказывается, что границы этой культуры очень узкие, что практически все, что составляет основу нашей культуры повседневной жизни, наших верований, наших ценностей, входит в это представление о культуре лишь косвенно.

Когда мы делаем исследования в сфере культуры, у нас в разговорах очень часто возникают вопросы: ну а радио, телевидение — есть там культура или нет? «Есть, конечно, — говорят, — есть канал «Культура», это культура. А есть первый, второй, третий или какой-то другой канал, которые — не культура». Мы беседовали как-то с представителем молодежного радио, который сказал: «У нас культуры довольно мало, у нас одна передача в неделю». А в остальное время у вас что? «А в остальное время у нас музыка», — сказал он. Для него музыка не была культурой, потому что культура — это «то самое», которое напоминает мне всегда классическую фразу из второго фильма о Джеймсе Бонде «Из России с любовью», когда его русская возлюбленная говорит: «Главное, чтобы человек был культурный». Такая ведомственная культура — это представление о том, что культура — это некое благонравие.

Есть и другая особенность, которая связана с таким пониманием культуры.

РИА Новости

Подавляющее большинство людей уверено, что культура — это хорошо. На самом деле культура — это ни хорошо, ни плохо. Культура — это нравы, обычаи, традиции разных людей, разной степени убежденности. И если мы будем разбирать конфликты нашего времени, то они носят в основном культурный характер. Все религиозные войны — это культурные столкновения, которые связаны с тем, что люди не могли выносить, когда одни люди едят вилками, а другие люди едят палочками. Для тех, кто ест вилками, палочки — это неправильно. А для тех, кто ест палочками, люди, которые едят вилками, абсолютно безнравственные и непонятные существа. Но это все находится за пределами узкого ведомственного понимания, в результате чего 99% реальной культуры оказывается за пределами Министерства культуры.

Люди, распределяющие деньги, считают, что культура — это такое маленькое развлечение, маленькое гетто, куда мы даем остатки денег, а вообще к жизни людей это особого отношения не имеет. Конечно, там есть народные артисты, есть выдающиеся исполнители, есть Большой театр, как говорил В.И. Ленин, «кусочек помещичьей культуры». И это мы как бы поддержим, потому что это культура, ну а все остальное к культуре отношения не имеет.

Скажем, с моей точки зрения, все телевидение, радио, кулинария, образ жизни — все это есть часть культуры. И вот эти все культурные реалии оказываются чуть ли не враждебными этой высокой культуре, которая становится на пьедестал и не хочет с него слезать, потому что приходят другие поколения, у них есть свое представление о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Но в результате эти последние, как это ни странно, побеждают.

Есть очень характерный пример: ансамбль «Битлз», который в эпоху моей юности считали абсолютным бескультурьем, с которым нужно бороться всеми силами. В том числе и в Великобритании правящая элита, королевский дом глубоко презирали эту самую «ливерпульскую четверку». Потом проходило время, люди, которые были подростками в эпоху, когда битлы только появились, стали взрослыми, частично захватили власть в обществе, и британская королева уже посвятила в рыцари одного из членов этого ранее презираемого коллектива.

Это же касается Чарльза Спенсера Чаплина, который был глубоко презираемым человеком в тот момент, когда он творил достаточно активно, а потом стал гением. Или у нас Леонид Иович Гайдай, великий комедиограф, который в свое время, когда я был молодым киноведом, считался самым плохим режиссером. В результате фильмы Гайдая до сих пор идут по телевидению.

Но для того, чтобы признать гений Чаплина, гений Гайдая или гений битлов, понадобились те же 20 лет, которые якобы нужны только для того, чтобы достижения высокого, ведомственного искусства наконец-то донеслись до широких масс народа. Поэтому и остается полной загадкой: что же из нашего времени станет достоянием будущего — то, что сегодня радикально отрицается, то, за что сегодня сажают в тюрьму, или, наоборот, то, что сегодня официально поощряется и продвигается на сцены больших оперных театров или главных выставочных залов страны.

postnauka.ru/video/12740

«Помойная наука» на службе невежества

Невежество, которое вменяется сегодняшнему человеку, выгодно и производителям, и политикам

Михаил МАЯЦКИЙ
PhD, отделение
культурологии НИУ ВШЭ

...К середине 60-х годов наука единодушно доказала вред курения, что вызвало авральную ситуацию внутри табачной индустрии, которая смогла сделать курение из довольно периферийного социального феномена центральным сопровождающим мотивом как работы, так и досуга. Что было делать? Наука стала врагом индустрии. После некоторых неуклюжих попыток сопротивляться мажоры американской табачной индустрии обратились к пиар-агентствам, которые придумали гениальный ход — полюбить науку и «задушить» ее в своих «любовных объятиях»: создать научные социальные институты, которые бы целиком были на содержании у индустрии, а затем противопоставлять нежеланному мнению одних ученых мнения других — спекулировать на сомнении.

Сомнение лежит в основе европейской рациональности. Эта категория восходит, как и все остальное, к античности, а начиная с Декарта, сомнение становится краеугольным камнем новоевропейской рациональности. Если сомневаюсь, значит, я мыслю. Я могу все подвергнуть сомнению, кроме факта самого сомнения, именно на нем я воздвигаю дальнейшее дедуктивное здание знания. Затем Кант и Гуссерль эксплуатировали тот же самый ресурс сомнения. И вот теперь сомнение играет против самой науки. Выражаясь по Гуссерлю же, мы живем в жизненном мире, заданном наукой. Критическое мышление, методическое сомнение внушаются нам со школьной скамьи, нас учат не доверять недостоверному, не доверять мифам, нас учат, что бывает лженаука. Именно это критическое мышление в каждом из потребителей, в каждом из курильщиков в данном случае, было решено поставить на службу самой табачной индустрии.

Спустя несколько десятилетий этот механизм стал пробуксовывать и сдался. С тех пор все табачные пачки украшены страшными надписями и картинками, но и это часть компромисса, заключенного между наукой и той самой junk science (помойной наукой), как с тех пор принято называть те агентства и тех ученых, которые работают на иждивении той или иной индустрии.

Научный совет табачной промышленности пересмотрел свою политику и стал говорить: «Вред табака давно был известен, и частный курильщик имел доступ к этой информации, поэтому это его частное дело. Мы предоставили ему свободу оперировать информацией и делать свой экзистенциальный выбор — курить или не курить». То есть ответственность с монополии, с производителя перешла к клиенту. Здесь крайне интересен этот феномен производства сомнения, о котором так эти агентства и говорили, *the doubt is a product*: «Мы предоставляем клиенту возможность сомневаться, возможность отправлять и упражнять свое критическое мышление, выбирать между альтернативными точками зрения». Для простого потребителя эти два мнения предстают как равно репрезентативные, и из них клиент выбирает, точно так же как выбирает из двух товаров. В этом смысле знание стало постепенно лишь одним из товаров и сама возможность выбора продается так же вместе со знанием. В этом смысле невежество, которое вменяется сегодняшнему человеку, выгодно и производителям, и политикам. Недаром некоторые историки науки предлагают термин «агнотология» — наука об изучении социального конструирования невежества. Так же как век назад родилась социология знания, сегодня впору говорить о социологии незнания, о социальном его конструировании, о том, кому это выгодно и как оно создается.

В этом смысле и весь наш образовательный процесс должен быть подвергнут анализу с этой точки зрения, поскольку и современный школьник, и современный студент потребляет знание совсем иначе. Ушло в прошлое понятие корпуса знания, когда определенные факты встраивались в организованный ансамбль. Сейчас, при общей клипизации восприятия, прежде всего студенты, а потом и все люди довольствуются одним вырванным элементом, к которому обращаются часто без авторства, без связи с теоретическим целым, на чём, несомненно, играют и экономические, и политические агенты.

postnauka.ru/video/12146

Новая газета

Почему университеты развиваются во время войны

И как меняется их роль с течением времени

Виктор ВАХШТАЙН
кандидат социологических наук, заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии РАНХиГС при Президенте РФ

В истории европейских систем образования возникали критические моменты, в которых именно университет оказывался тем местом, где производилась новая картина мира. Как правило, это происходило в ситуациях серьезных политических кризисов. Начнем с современности.

До войны в Боснии и Герцеговине было четыре университета. Университет Сараева самый старый и крупный: на его двадцати пяти факультетах в 80-х годах училось более тридцати тысяч студентов ежегодно. Что происходит с вузовской системой в годы войны (1992–1995)? Вопреки ожиданиям, она не исчезает, а стремительно расширяется. В 1993 году две педагогические академии открываются в Зенице и Бихаче. В том же Бихаче создается институт механизации машиностроения. Университет в заселенной преимущественно боснийцами Тузле усиливается за счет открытия новых факультетов философии и педагогики. В Сербскую Республику перебираются преподаватели-сербы из Сараевского университета и университета Тузлы. Создается новый «Сараевский университет Сербской Республики». Примечательный факт: в 1993 году в разгар боевых действий принимается Закон об университетах, определяющий административную структуру вузов Боснии. По этому закону факультеты наделяются самой широкой автономией. (Кстати, британский закон об образовании тоже принимался в разгар войны — в 1944 г.)

Курс на увеличение числа вузов сохранился и в послевоенное время. С 1995 по 1998 год в Боснийско-Хорватской федерации и Республике Сербской появляется по шесть новых институтов. Вернувшаяся с фронтов молодежь оседает в этих образовательных центрах. Рост числа студентов не прекращается до начала 2000-х. К этому моменту каждая из общин уже имеет развитую сеть вузов, главное предназначение которых — удержание национальных автономий. Университеты становятся местами производства новых, размежевавшихся Балкан. Яркая деталь: среди военных преступников, осужденных Гаагским трибуналом, немало бывших университетских сотрудников. Самый знаменитый из них — профессор психиатрии Радован Караджич.

Почему это происходит? В период военных и политических кризисов университеты демонстрируют способность к производству востребованных языков описания мира. Благодаря ей университет превращается в своего рода «точку трансценденции», воспаряя над суетным миром, поднимаясь выше города, региона, империи, участвует в политической борьбе, как участвуют в ней арбитры, а не игроки. Ранее такая возможность «институционализированной трансценденции» была закреплена лишь за церковью.

Изначально «университетская автономия» — именно политическая автономия. В 1158 году Фридрих Барбаросса захватил Милан (один из самых богатых городов Ломбардии) и созвал на Ронкальском поле сейм, дабы навязать североитальянским городам новый порядок управления. В этом славном мероприятии приняли участие болонские профессора-юристы, которым удалось предложить Барбароссе нечто большее, нежели просто новую политическую схему, — они предложили ему новый язык описания политики и новый способ мышления о власти. Язык, который также помог Императору в борьбе с Папой. В благодарность за помощь со стороны болонских профессоров Барбаросса издал закон, по которому брал под свое покровительство тех, кто «путешествует ради научных занятий, в особенности преподавателей божественного и священного права». Болонские студенты освобождались от круговой поруки в уплате налогов и от подчинения городским судам Болоньи. То есть утрата (относительной) автономии североитальянскими городами способствовала развитию (относительной) автономии университетов.

«Церковная метафора» — одна из самых сильных метафор самоописания университета, дошедшая до наших дней. Впрочем, говоря это, следует помнить — метафора «Университет как Церковь» есть плоть от плоти языка описания, созданного самими университетами.

Здесь имеет смысл различить инструментальные и терминальные метафоры. К инструментальным метафорам мы прибегаем для прояснения ситуации (чаще всего в корыстных целях, навязывая собеседнику свое видение происходящего). Инструментальные метафоры вполне могут быть манипулятивными по своему характеру и вовсе не обязательно отражают тот язык, на котором мы не говорим, но действуем. Например, метафора «Университет — любимая дочь Короля» позволяет ректору университета претендовать на символический статус принца крови. А метафора «Университет — суверенное государство» позволяет до наших дней сохранять средневековый запрет на появление в кампусах вооруженной полиции без соответствующего разрешения ректора. (Такой запрет действовал до 1968 г. во Франции.)

Терминальные же метафоры — это метафоры конечные. Они говорят нами больше, чем мы — ими. «Университет как Церковь», видимо, некоторое время являлась конечной терминальной метафорой.

В XX столетии университет уже не является местом привилегированного производства картин мира и центром разработки языков описания. (Справедливости ради следует сказать, что монополистом на этом рынке университет не был никогда и лишь изредка оказывался в авангарде.) Начинается коррозия университетской культуры, и вместе с ней — способов самоописания университета. После Второй мировой войны мир обнаружил, что изменился. Ему требовались новые ответы на старые вопросы. И классический университет вряд ли мог в этом помочь. Так появились новые терминальные метафоры, перекроившие университетскую среду.

Одна из них — метафора социальной инженерии. Мир сошел с ума, произошла война, и сейчас наша задача — «починить» этот мир. Университет, как механик, который после катастрофы разгребает покореженные корпуса европейских государств и своими осторожными действиями возвращает их в норму, снова ставит на рельсы. В этом языке университет более не суверенен, а в лучшем случае автономен. Для Германии это означает конец классического гумбольдтовского университета с его требованием «уединения и свободы». Для Англии — поражение оксбриджской модели в символической борьбе с «краснокирпичными» университетами, наследниками индустриальной революции конца XIX века. Для Франции — проигрыш университетов высшим школам, воплощавшим дух прогрессистских реформ.

Во всех этих случаях речь идет о закате неутилитарного, непрагматического знания.

Благодаря технократическому языку университет становится инструментом социальной политики. Эта метафора лежит в основе многих социально-инженерных проектов. Например, когда закрываются шахты Рурского угольного бассейна на западе Германии, складывается сложная социальная ситуация. И для того чтобы дети потерявших работу шахтеров не пополнили ряды уличных преступников, создается университет. Но правительство ФРГ подходит к этой проблеме с немецкой основательностью: создается не просто резервация для молодежи, а по-настоящему хороший университет — Билефельдский.

Инженерия предполагает процесс проектирования. Классический пример — послевоенная Англия, 1946 год, страна в руинах. Комиссия Барлоу, которая собирается по инициативе парламента, должна проанализировать процессы, происходящие в системе образования. Ее заключение: при сохранении имеющихся тенденций мы скоро будем на последних местах по показателям экономического развития, потому что через двадцать лет стратегически важные политические и экономические решения в стране будут принимать люди, у которых нет высшего образования. Эти доводы не были приняты во внимание. В середине 1960-х собирается следующая парламентская комиссия («комиссия Робинса») и свидетельствует: Барлоу был прав, мы отстаем в экономическом развитии, потому что у нас кастовая система образования, для людей с улицы она закрыта, и университеты не выполняют функцию социального лифта. Тогда принимается ряд мер по «разгерметизации» высшего образования: пишется знаменитая Белая книга британского образования, увеличивается число вузов, наконец, создается Открытый университет, который возглавляет премьер-министр под патронажем королевы.

Бизнес-корпорация — это принципиально иная метафора. Если метафора социальной инженерии строится на идее максимизации общественного блага (понимаемого чрезмерно абстрактно), то метафора экономической корпорации держится на идее максимизации экономической выгоды (зачастую понимаемой чересчур конкретно).

Третья распространенная метафора — метафора университета как политической партии. Правда, работает она в основном либо в диктаторских режимах, либо в парламентских демократиях, где политические образования имеют давние связи с университетами, а также отдельными факультетами и школами.

В Нидерландах был случай, когда правящая партия попала в чудовищный скандал из-за перебрасывания государственных ресурсов «своим» университетам. Иллюстрацией сращения университета и власти может служить единственный пример университетской диктатуры в истории XX века — диктатуры профессора экономики Коимбрского университета Антонио Салазара.

Этот португальский университет более чем на десятилетие стал главным каналом рекрутирования правящей элиты, а сам Салазар — чтобы укрепить метафорику университетской автономии — уже будучи диктатором, ежегодно приезжал к ректору с просьбой о продлении академического отпуска еще на один год.

Итак, вот три метафоры, которые я бы выделил сегодня: университет как инструмент социальной инженерии, университет как корпорация, университет как политическая партия. Эти модели самоосмысления приходят на смену «старым» ресурсам воображения. Подчеркну: с Ронкальского сейма и до Второй мировой войны — а это почти вся университетская история — университет являлся тем местом, где производились картины мира и языки его описания (от религиозных утопий до националистических идеологий). Университет остался таким местом и в послевоенной Европе, однако теперь он в гораздо большей степени является объектом описаний. Даже тогда, когда эти описания производятся на им же созданном языке.

postnauka.ru/longreads/13096

Новая Москва

Активисты «Архнадзора» не зря провели ночь на куполе дома Волконского

Больше ста дней они спасают памятник архитектуры от уничтожения

В восьми метрах над землей на деревянном каркасе купола дома Волконского (Воздвиженка, 9) встретили рассвет активисты градозащитного движения «Архнадзор». Троих поутру 25 июня сняли с крыши и увезли в ОВД Арбатское. Но это была ударная ночь.

Борьба за исторический особняк, описанный в «Войне и мире» как дом старика Болконского, продолжалась с марта. Тогда «без объявления войны» среди ночи заработали отбойные молотки. Кирпич за кирпичом разбивали задний фасад и угол дома XVIII века, самую старую его часть. Историческое двухэтажное здание решили надстроить до четырех этажей.

В начале мая заместитель мэра по вопросам градостроительной политики Марат Хуснуллин по обращениям депутатов и активистов проверил документы и постановил, что никаких нарушений нет.

Шестого мая начался новый этап схватки за историческое наследие. За месяц была утеряна кровля, началась подготовка к увеличению этажности. Июнь был, пожалуй, самым богатым на потери месяцем: рабочие вышли на уличные фасады. В процессе разрушения венчающего карниза по Крестовоздвиженскому переулку двое рабочих сорвались вниз. (Их увезли в институт Склифосовского, дальнейшая судьба неизвестна.) Также пострадал белокаменный карниз со стороны Воздвиженки. Взялись за купол: срезали железное покрытие. Остался лишь деревянный каркас-скелет. Его и пытались подцепить краном в ночь на 25 июня.

Когда активисты забрались по строительным лесам на купол, прораб ООО *«ППСК Тайм», ведущего работы, дал указание притормозить. И уже днем во вторник по срочному запросу депутату Владимиру Родину выдали документ, о существовании которого никто из активистов не подозревал, а застройщики делали вид, что не замечают, — предписание административно-технической инспекции (ОАТИ). В нем требуется «работы по реконструкции (по сносу несущих стен, кровли) приостановить до оформления разрешительной документации», а «действие ордера приостановлено до устранения выявленных нарушений».*

К счастью, документ «нашелся» в тот момент, когда угроза деформации здания достигла предельной стадии. По мнению координатора «Архнадзора» Рустама Рахматуллина, который защищал купол, последние сутки были критическими: «Больше ста дней люди обороняли дом, в недрах которого хранился спасительный документ. Около ста человек самоорганизовались как единый механизм».

Работы неоднократно приостанавливали, что не мешало на следующий же день начинать их снова. Откуда же теперь уверенность, что на этот раз пауза будет затяжной? Градозащитники из «Архнадзора» готовы к любому развитию событий, круглосуточное дежурство у дома усилено. «Правительство должно принять техническое решение, — говорит Рахматуллин. — Молчание уже становится неприличным. Борьба перешла с улицы в кабинеты. Это были сто дней беззакония — они не вправе теперь требовать компромисса».

Особняк хоть и утратил внешний вид, но сохранил исторический облик. И основные характеристики пока сохранены. Отреставрировать и спасти его еще можно. Хотя еще в 2009 году комиссия под руководством вице-мэра Ресина отказала ему в статусе объекта культурного наследия. Основной проблемой сейчас, пожалуй, является, внутренняя структура дома, который готовили к переквалификации в четырехэтажку. Интерьеры дома утрачены еще в нулевые, когда здание находилось в ведении МИДа. Но сейчас внутри наварены перекрытия, выведена арматура под дополнительные этажи — непонятно, что и как с ними делать, признаются в «Архнадзоре».

Напомним, что заказчик так называемой реконструкции — «Центр развития межличностных коммуникаций». Согласно Единому госреестру юридических лиц (ЕГРЮЛ), его учредителями значатся Кирилл Ковальчук (племянник Юрия Ковальчука — основного акционера банка «Россия»), Владимир Аникеев (до 2006 года — заместитель генерального директора ОАО «СОГАЗ»), Татьяна Шестакова (супруга депутата Госдумы Василия Шестакова) и некто Любовь Яковлева. Считается, что «Центр» курировала лично бывшая супруга нынешнего президента России.

Екатерина ФОМИНА

***P.S.** Когда верстался номер, работы по незаконченному демонтажу купола были возобновлены: вырвали его шпиль, каркас распилили «болгаркой». Полиция бездействует. Дежурство «Архнадзор» не снимает.*

А Воробьев взял и не прилетел…

Предполагаемый визит и.о. губернатора вызвал кровавый передел мусорных баков и помоек в подмосковной Лобне

Благодаря слухам о предстоящем визите и.о. губернатора Андрея Воробьева в подмосковную Лобню чиновники срочно заменили асфальт, починили тротуары и дали людям горячую воду. Правда, эти же слухи спровоцировали передел территории (новых помоек) и массовую драку местных бомжей.

Участники спора хозяйствующих субъектов

К визиту главного кандидата на пост губернатора Подмосковья Андрея Воробьева лобненские чиновники начали готовиться за месяц. Предполагалось, что Воробьев прилетит на вертолете 25 или 26 июня (посадка на стадионе), где его будут торжественно встречать мэр города Николай Гречишников и школьники с флажками. Потом и.о. губернатора проведет в здании городской администрации заседание с местным активом «Единой России», вручит ветеранам почетные грамоты и посетит фабрику игрушек. По пути вероятного следования высокопоставленной особы в срочном порядке стали укладывать новый асфальт, приводить в порядок тротуары, а таджикских рабочих заставили выщипывать жухлую траву и спиливать сухие деревья. За день до визита в дома лобненцев дали горячую воду, а вдоль дороги поставили новые лавочки и урны.

Не сидели сложа руки и силовики: гаишники эвакуировали подозрительные автомобили, а участковые с 25 по 27 июня запретили наркоманам и алкоголикам собираться в районе стадиона. Особый переполох вызвал брошенный кем-то большой пакет на ул. Ленина. Прибывший сотрудник ГИБДД бомбы не обнаружил — в пакете оказались старые книги и интимная деталь женского туалета.

Помимо чиновников к прилету Воробьева готовились жильцы домов по улице Туголукова. Каждую весну их дворы и квартиры затопляет талой водой, и люди вынуждены перебираться к соседям на вторые этажи. Например, этой весной жильцы три дня не могли выйти на работу, а дети пропустили школу. Господина Воробьева туголуковцы решили встретить с плакатами: «SOS! Мы тонем!»

Но самое захватывающее произошло в ночь на 25 июня на городском пруду.

Суть дела такова: практически все лобненские урны для мусора и помойки поделены между местными бомжами из микрорайонов «Москвич», «Букино», «Сельхозтехника», «Депо» и «Керамзавод». Плюс некоторое количество «арендовали» пенсионеры и дворники. Примерно в 4 часа утра они обходят свои владения и собирают отходы из ресторанов, пустые бутылки и банки. Незваного бомжа, собравшего тару в чужом районе, могут покалечить.

До июня, не считая отдельных стычек, соблюдались относительное спокойствие и территориальный баланс сил. Однако из-за предстоящего визита Воробьева ситуация в корне изменилась: бомжи с «Керамзавода» решили взять под свой контроль несколько новых урн, установленных на пруду специально к визиту высокого гостя. А место — рентабельное, поскольку после ночных молодежных гулянок остаются сотни пустых бутылок и банок. «Коллеги» из района «Москвич» не согласились с захватом и назначили «стрелку».

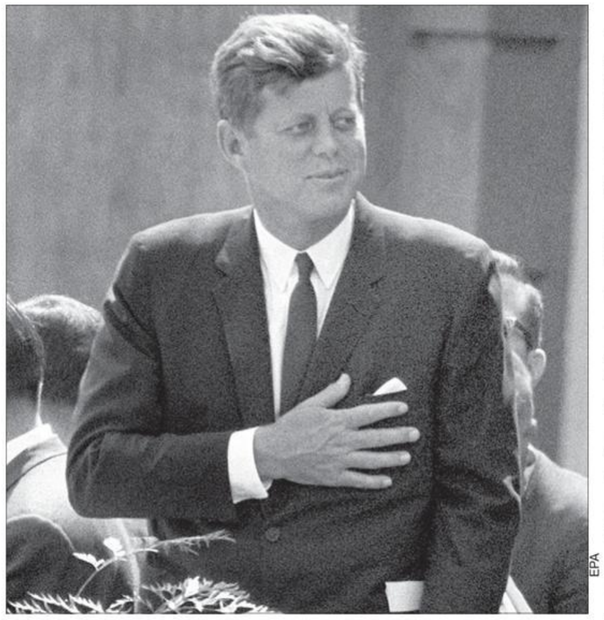
По словам очевидцев, в драке принимало участие не менее двадцати человек, а в руках у некоторых участников мелькали ножи и куски арматуры. Кто победил и теперь будет «смотрящим» за «воробьевскими» урнами, выяснить не удалось — оставшиеся на поле боя бомжи находились в невменяемом состоянии. Но судя по обильным пятнам крови на месте ЧП и фингалам, лобненские клошары бились отчаянно.

Ну а вертолет с Воробьевым так и не прилетел. Поговаривают, что и.о. губернатора решил ограничиться видеообращением к лобненцам.

Сергей КАНЕВ,
криминальный репортер «Новой», Москва – Лобня
Фото автора

О политиках судят по словам и делам. Тем более что в их работе и слово, и дело — политический ход. Мастером таких ходов был президент США Джон Кеннеди. И 50 лет назад он совершил один из них. Произнес заклинание…

Я — берлинский пончик! 50 лет знаменитым словам Кеннеди *

EPA

Вместо эпиграфа

Два мальчика перекликаются через Берлинскую стену.

— У меня апельсин! — объявляет западный.

— А у нас социализм! — хвастает восточный.

— Ну и что! Мы, если захотим, тоже сделаем социализм!

— Ха! Тогда у тебя не будет апельсина!

Город-фронт

Капитуляция Германии во Второй мировой войне была одной из немногих, подписанных дважды.

В первый раз — в Реймсе. От имени побежденных — генерал-полковник Йодль, от лица победителей — англо-американское командование, французы и представитель СССР генерал-майор Суслопаров. 7 мая в 2:41.

Документ вступил в силу в 23 часа 01 минуту 8 мая 1945 года.

Запрет Сталина подписывать Акт запоздал. Хорошо еще Суслопаров оговорил возможность вторичной церемонии. Гнев вождя вызвала поспешность оформления окончания войны, недопонимание его значения. А он его видел — этот мощный инструмент управления сознанием и поведением людей на годы вперед. И требовал нового подписания — в Берлине.

8 мая в 22:43 Акт о капитуляции подписали вновь.

С этого дня столица Пруссии, Германской империи, Веймарской республики, Тысячелетнего рейха — Берлин — стала прифронтовым городом, камнем преткновения мощных мировых сил, культур, мировоззрений, образов жизни — Востока и Запада. Здесь прошла их граница. А точнее — фронт.

Город-кризис

Берлин — в советской зоне оккупации, но он поделен между союзниками.

В Восточной Германии Москва утверждает «единственно верное учение». Там конфискуют предприятия и сажают оппонентов. В Западной — план Маршалла и валютная реформа.

СССР отказывается от четырехстороннего управления страной, оставив себе восточную зону. Границы закрыты. Нельзя впустить марку ФРГ. Западный Берлин снабжают по воздуху. Это — первый Берлинский кризис.

Драма блокады и воздушного моста известна. Его длина равна двумстам полетам до Луны и обратно. Так отстояли город — «бастион свободы средь «красного проекта», связанный с миром коридором через ГДР — государство немецких марксистов.

В нем грянул второй Берлинский кризис. В мае 1953-го власти повысили нормы выработки и цены на мармелад — основу рабочего завтрака. И вызвали взрыв.

Начались демонстрации и забастовки с требованием свободных выборов. Протесты охватили 100 000 человек на 110 крупнейших предприятиях в 72 городах.

Молотов вспоминал: «Берия был в Берлине... Решили: подавить беспощаднейшим образом. Допустим, чтобы немцы восстали?! Всё бы закачалось...».

Т-34 и полиция подавили протесты в Берлине. Всего, по данным властей, погибли 19 восставших и 4 силовика. По другим данным — 267 и 116.

ГДР во всем винила Запад. Напрасно. Да, жители на той стороне сочувствовали восставшим, но помочь им не могли. Границу закрыла Красная армия. Им оставалось лишь чтить память погибших...

Город-вызов

ФРГ и ГДР не разделяла колючая проволока. В Берлине немцы легко переходили из сектора в сектор. Это стало проблемой — люди уходили на Запад. Жизнь там была дороже, но ее уровень выше. Плюс — свобода. Никто не требовал верности партии, не было репрессий. Жить было лучше и веселее. Власти теряли в год до трети выпускников вузов и специалистов.

По восточным данным, с 1949 по 1961 год страну покинули 1,6 млн человек. Есть и другие цифры — 3,5 млн. Уехали: в 1959-м — 143 917 человек. В 1960-м — 199 188. В 1961-м в феврале — 13 576, в июле — 30 415, а в первые дни августа — по 1500 человек в день. 11-го — последние 2290.

Так кто, выходило, прав в споре систем? Какой пример лучше отъезда родных? Что опасней «буржуазной язвы в сердце ГДР», где царили «их нравы», были свободные выборы и обсуждали вопрос о вхождении в ФРГ. Идея нравилась союзникам, хотя, следуя Потсдамским соглашениям, поддержать ее они не могли. Но понимая стратегическую важность Берлина, противостояли его включению в зону влияния СССР.

Президент Кеннеди призывал Н.С. Хрущева вместе разгребать тяжкое наследство войны. Тот же хотел подписать мир с ГДР, лишив силы прежние соглашения. Кеннеди отвечал: «Говорят, оборона Берлина невозможна. То же говорили про Сталинград. Любое место можно защитить. Если люди — смелые люди — сделают это».

Хрущев обвинял Запад в желании «силой прорваться» в Берлин и объявлял о готовности помешать этому. И вот в час ночи 13 августа 1961 года началась одна из самых горьких строек века — Западный Берлин обнесли стеной.

28 лет мир будет звать ее Берлинской.

В ФРГ призвали резервистов. Штаты направили парашютистов. Кто знал, что Никита так неистов? Во как «завел» гэдээровских коммунистов!

А 26 октября к стене вышли американские танки. А навстречу им, сверкая блеском стали, — десять Т-54. А за ними — вся советская группа войск.

Два мира, две системы уперли друг в друга пушки. Поставив мир на грань войны.

А 27-го машины ушли. Сперва — советские. Потом — американские.

Третий Берлинский кризис миновал. Кеннеди и Хрущев договорились. Спасибо дипломатам, разведкам, лично лидерам и уступкам.

Скоро Хрущев «позабыл» о мире с ГДР. А Кеннеди отстоял Западный Берлин.

Берлинец

И 26 июня 1963 года с триумфом вступил в город.

Кеннеди, канцлер и обер-бургомистр Вилли Брандт — у Бранденбургских ворот.

Ворота — за стеной. На них — флаги. Заслоняют город. Кеннеди взошел на обзорную трибуну, и тут же на ту сторону прибыл грузовик с плакатом, клеймящим США.

Президент молча глядел на восток. Будто никаких флагов и плакатов там нет, а в воротах сквозит грядущая Европа. В фильме о визите так и скажут: «Лидер крупнейшей демократии мира осматривает символ тоталитарного правления».

Следующая остановка — чекпойнт «Чарли».

И здесь с той стороны — плакат: «Мы хотим мирного договора и превращения Западного Берлина в нейтральный вольный город». Кеннеди спокоен. Он же — на этой.

Готовя визит, агенты отметили сто опасных точек, но не учли восторга горожан. Порой их перехватывали у самой машины, плывущей по пене конфетти — к ратуше.

Она украшена флагами США и Берлина. Президент ненадолго скрылся в здании. Зачем? Чтоб узнать, как звучат по-немецки важные для него слова.

И — трибуна. Над ним — флаги союзников. Перед ним — 400 000 человек.

«Я горд быть гостем вашего мэра, представляющего дух борьбы Берлина. <...>

Две тысячи лет гордой фразе «Я — гражданин Рима». Сегодня в свободном мире она должна звучать так: «Я — берлинец!»

Вот слова, что он узнал в ратуше: «Ich bin ein Berliner!»

Овация! Взметнулись тысячи платков. Не флажков! Флажками махали Гитлеру. Те, кто собрался сейчас, не хотят походить на нацистов. Кеннеди продолжает:

«В мире много людей, что не понимают... разницы между миром свободы и коммунистическим миром. Пусть они приедут в Берлин!

Есть и те, кто говорит: коммунизм — идея будущего. Пусть и они приедут в Берлин!

Кто-то верит: с коммунистами можно работать. Пусть едут в Берлин!

Иные заявляют: коммунизм — порочная система, но она помогает развивать хозяйство. Пусть едут в Берлин!»

Восторг.

А он: «Свобода трудна и демократия не идеальна. Но мы не стали бы строиться-ну, чтобы не дать народу уйти от нас».

Рукоплескания.

А он: «Свобода неделима. Если один человек порабощен — никто не свободен. Когда все будут свободны... Когда этот день наступит... жители Западного Берлина смогут гордиться: почти два десятилетия вы жили на фронте. Все свободные люди, где бы они ни жили, — граждане Западного Берлина. Поэтому, как свободный человек, я гордо заявляю: «Я — берлинец!»

Эта речь вошла в число сильнейших речей человечества. Кеннеди покорил Берлин. Люди не таят слез. Овация нарастает. Звучит колокол — копия Колокола свободы США.

Самолет президента еще не стартовал, а слова «Ich bin ein Berliner!» уже облетели мир. Значат они не то, что хотел сказать Кеннеди**. Но мир его понял.

Дмитрий ПЕТРОВ

* *Фрагмент книги Дмитрия Петрова «Кеннеди». Книга готовится к изданию в серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия».*

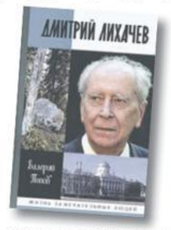
** *На немецком языке слова «Я — берлинец» произносят без артикля ein. А с ним (как сказал Кеннеди) они значат: «Я — берлинский пончик».*

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ЗДЕСЬ!

В нем преломился весь XX век

В серии «ЖЗЛ» вышла биография Дмитрия Лихачева, вызвавшая скандал

Это вторая попытка Валерия Попова сочинить биографию своих знаменитых современников, опираясь главным образом на личные воспоминания и рассказы общих знакомых. Первая — о Сергее Довлатове — закончилась скандальным отказом родственников писателя, после прочтения рукописи Попова, предоставить фотографии для оформления книги. Книга о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве тоже вызвала негативную реакцию его родных, друзей семьи и коллег. Вера Тольц-Зилитинкевич, внучка Дмитрия Сергеевича, профессор Манчестерского университета, в интервью «Новой» рассказала об ошибках, фантазиях, о вымышленных деталях семейного быта, личной и общественной жизни, которые, на ее взгляд, допустил Попов в книге о Лихачеве.

— Вера Сергеевна, вы знали, что готовится книга Дмитрия Сергеевича?

— Нет, мне сообщили о ней петербургские друзья уже после ее выхода. Мы знакомы с Валерием Поповым, но он почему-то не счел нужным связаться со мной.

— Меня в книге вот что поразило: больше трети текста занимает рассказ о деталях семейного быта, но цитируется только вторая внучка и ее отец. О вас, о вашей матери много говорят, но слова вам не дали.

— Еще хуже то, что многих членов нашей семьи уже нет в живых, и они не могут ответить, а Попов рассказывает о них всякого рода фантазии. Особенно оскорбляют память о Дмитрии Сергеевиче пассажи о его отношении к жене, Зинаиде Александровне. Попов договорился до того, что в последние годы Зинаида Александровна чувствовала себя дома «ненужной, неприкаянной». Это полная чушь. На самом деле нечасто случается такой прекрасный брак. Любовь и преданность жене была у дедушки редкая. Так было до самых последних минут его жизни, когда именно ее имя он повторял, умирая.

— Это первая подробная биография Лихачева, вышедшая в России?

— Первая, достаточно подробная биография Дмитрия Сергеевича вышла в 2011 году. Ее автор — известный историк Владислав Зубок. Это серьезная книга, скорее научная. Попов же попытался написать о Дмитрии Сергеевиче для широкого читателя, и очень жаль, что книга вышла в известной серии «Жизнь замечательных людей», — книга, на мой взгляд, этого не достойна. Часть ее — рассказ о научной и общественной деятельности Дмитрия Сергеевича — сделана в стиле соцреализма, эдакий канон жизни великого человека. Зато вторая часть — о семейной жизни — написана в духе самой дешевой желтой прессы российского пошиба. Западная желтая пресса хотя бы старается опросить несколько сторон. А тут — все рассказано со слов людей, один из которых сам признается в разговоре, что так и не понял Лихачева до конца.

— В книге есть неточности? Что, на ваш взгляд, полностью искажено?

— В книге огромное количество как фактических ошибок по незнанию и небрежности в описании научной и общественной жизни Дмитрия Сергеевича, так и фантазий, в первую очередь — в рассказах о семье. Семья для дедушки имела отнюдь не второстепенное по сравнению с его научной и общественной деятельностью значение. Он чувствовал за семью колоссальную ответственность с молодых лет: не случайно главную заботу о родителях во время блокады Ленинграда и о матери в эвакуации взял на себя именно Дмитрий Сергеевич, а не его братья, которые к тому времени уже сделали успешную карьеру. И братья всегда оставались благодарны Дмитрию Сергеевичу за это. То же было и в 1981-м, когда погибла его дочь Вера, — никому и в голову не пришло, что заботу о Вериной несовершеннолетней дочери может взять на себя кто-то, кроме Дмитрия Сергеевича. А ведь ему было тогда уже 75 лет! Сила дедушкиной любви укрепила меня на всю жизнь, и я чувствую к нему за это не только ответную любовь, но и огромную благодарность. Безобразному искажению подвергся в книге образ моей матери, Людмилы Дмитриевны. В главе о последних годах жизни Дмитрия Сергеевича Попов пишет: «Она (Людмила Дмитриевна) то жила в кооперативе на Новороссийской улице, то появлялась у родителей». Мама переехала жить к родителям сразу после гибели своей сестры! Людмила Дмитриевна была единственным членом семьи, который ухаживал за Дмитрием Сергеевичем и Зинаидой Александровной, когда им из-за преклонного возраста стала нужна помощь. Неотлучно находясь при них, она полностью посвятила им последние двадцать лет своей, к сожалению, слишком короткой жизни.

— Довольно странно в книге говорится о религиозных убеждениях Дмитрия Сергеевича: непонятно — Лихачев был религиозным человеком или нет?

— Эта важная тема неверно представлена в книге. Достаточно вспомнить, что в 1928 году Дмитрий Сергеевич и арестован был как раз за участие в религиозном кружке! Религиозность Дмитрия Сергеевича идет из детства, из его семьи. Через всю жизнь он пронес то отношение к православию, которое было характерно для значительной части петербургской интеллигенции начала XX века. В отличие от того, что происходит сегодня, в той среде ритуальная часть религии играла незначительную роль. Попов, например, сообщает, что в семье Лихачевых куличи на Пасху якобы пеклись напоказ. Но какая семья при советской власти пекла напоказ куличи?! В дневниковых записях Дмитрия Сергеевича много размышлений о христианстве.

— Лихачев и при советской власти не скрывал своих религиозных убеждений?

— Он их не демонстрировал публично, но семья была религиозная. Мы обязательно всей семьей ходили в церковь на Пасху. Всю Страстную неделю дедушка читал мне соответствующие места из Евангелий. Тем молитвам, которые я знаю, научил меня дедушка. На его прикроватном столике всегда лежала Библия. Вопрос религиозности Лихачева, на мой взгляд, имеет общественное значение, в отличие от очень многих деталей семейной жизни Дмитрия Сергеевича.

СТРАНИЦА 18 ⇨

СТРАНИЦА 17

В нем преломился весь XX век

— В рассказах о семье Лихачева есть история с вашим отъездом из Советского Союза, о том, как Дмитрий Сергеевич отговаривал вас уезжать...

— Это пример того, как даже небольшое искажение правды превращает ее в большую ложь. Можно подумать, что в 1982 году я приняла добровольное решение эмигрировать! Попов забыл, а может, и не знал, что уже за два года до этого эмиграция из СССР была почти прекращена. Мой тогдашний муж был выслан из страны за то, что входил в ближайший круг академика Сахарова и Елены Боннер. У нас был тогда годовалый ребенок. Ситуация выбора между отцом ребенка и любимыми родственниками — экстремальная, спекулировать на этом — гнусность. Заявление, что Дмитрий Сергеевич якобы уговаривал меня остаться, фантазия — меня лишили гражданства, какие уговоры? Слова Попова, что дедушка больше беспокоился «о своей карьере, о своих великих делах, чем о судьбе семьи», — порочат его имя. Никаким преследованиям члены моей семьи в связи с моим отъездом не подверглись. В книге утверждается, что мой отъезд создал для моей матери какую-то катастрофическую ситуацию на работе. Это клевета на руководство Русского музея, где работала моя мать. Наоборот, оно повело себя в высшей степени достойно, сразу сказав ей, что никаких последствий из-за моего отъезда для нее не будет.

— Ваш отец, Сергей Зилитинкевич, в книге назван чуть ли не основателем российской системы отмывания денег!

— Это один из самых фантастических пассажей в книге, где в одну кучу свалено всё — преследование моего отца в 1979 году, распил денег, хлопковое дело, не имевшее к делу отца никакого отношения. Он заведовал Ленинградским отделением московского академического института, их филиал занимался теоретическими исследованиями, финансирование было скромное и «распиливать» было нечего. Арестованный вместе с отцом сотрудник института Бурангулов был не узбеком, а башкиром, никакого отношения к партийному начальству Узбекистана не имел. Вместо повторения чужих фантазий Попов мог бы узнать правду из предисловия известного литературоведа Константина Азадовского к отрывкам из повести моего отца «Эй, профессор», опубликованным в журнале «Звезда», и из самой повести.

— Что это за история с таинственной папкой, где были воспоминания Дмитрия Сергеевича о дочери Вере, которые он как будто бы скрывал от семьи?

— Это миф. Ничего тайного в этих воспоминаниях не было. Дмитрий Сергеевич сам напечатал их на пишущей машинке в нескольких экземплярах и давал читать всем членам семьи: текст очень личный, но ничего такого, что стоило бы скрывать от близких, там нет. Я прочла эти воспоминания позже других, в середине 1990-х годов, когда он просматривал все свои неопубликованные записки — издательство «Логос» готовило переиздание его «Воспоминаний». Обсудив со мной и моей мамой записки о дочери Вере, он принял решение не печатать их: там было описание ее защиты кандидатской — в нем Дмитрий Сергеевич употребил слова, которые могли оскорбить память об одной, ныне уже покойной, сотруднице Эрмитажа. Поэтому текст остался ненапечатанным. Через несколько лет после смерти Лихачева, в 2006 году, журнал «Наше наследие» опубликовал эти записки о Вере в нарушение воли Дмитрия Сергеевича и закона об авторских правах, которые сейчас принадлежат мне. Разразился скандал, и журнал вынужден был печатать мое ответное письмо, в котором я извинялась за случившееся перед теми, кого оскорбили воспоминания дедушки.

Беседовала **Наталья ШКУРЕНОК**

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Константин АЗАДОВСКИЙ, историк культуры, переводчик, член Русского ПЕН-центра, член-корреспондент Германской академии языка и литературы:

— Книгу Валерия Попова о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве я прочитал с особым вниманием. Мои родители, да и я сам, были хорошо знакомы с семьей Лихачевых, и поэтому читать небылицы и сплетни о его частной жизни для меня неприятно, порой — оскорбительно. Читателям сообщается, что «личная жизнь» академика в последние годы совсем развалилась — погибла дочь, внучка связалась с антисоветчиком и уехала на Запад... Конечно, все эти факты можно интерпретировать по-разному, однако Попов, описывая последние годы Лихачева, использует исключительно один источник — рассказы Юрия Курбатова, зятя Лихачева, и Зинаиды Курбатовой.

Книга изобилует громкими эпитетами и славословиями: «великий ученый», «великий Лихачев», «мудрый», «проницательный», «отважный», «безупречный», «мученик и мыслитель»... Но я уверен: современный просвещенный читатель ждет не пафоса, а «смыслов» — размышлений о том, кем был Дмитрий Сергеевич, какую жизнь он прожил. Написать об этом можно по-разному. Ибо Лихачев — фигура противоречивая. В нем преломился весь XX век — от дореволюционной эпохи до постперестроечной, и понять его можно только в контексте отечественной истории. К сожалению, истории, ее подлинного содержания и неповторимого колорита, в этой книге нет. И нет внутренней драмы человека, прошедшего через ГУЛАГ, большевистский террор, сталинские идеологические кампании послевоенного времени и, наконец, травлю в романовском Ленинграде 1970-х годов.

Употребляя в отношении Лихачева слово «мученик», Попов, безусловно, прав. Я помню, как в конце 1980-х годов, выступая в Музее Блока, на вечере памяти Дмитрия Евгеньевича Максимова, выдающегося исследователя русской поэзии Серебряного века, Дмитрий Сергеевич с тяжелым вздохом сказал: «Вы даже не можете себе представить, до чего мученической была жизнь нашего поколения». Однако Попов не пытается заглянуть вглубь – рассказать о тех нравственных испытаниях, что пришлось пережить поколению Лихачева.

Книга написана торопливо и небрежно; в ней есть многочисленные повторы и ошибки, вызванные, полагаю, тем, что сюжет, за который взялся наш петербургский автор, от него предельно далек. Окружение Лихачева, его учителя, коллеги и соратники предстают подчас в странном свете, словно автор впервые слышит эти имена. Так, в разговоре с одним из респондентов упоминается академик Алексей Александрович Шахматов, учитель Лихачева. «Академик?» — переспрашивает автор. Если не знать, кто такой Шахматов и каково его место в нашей филологической науке, то не стоит писать и о Лихачеве.

Другой пример — Григорий Александрович Гуковский, выдающийся ученый, профессор Ленинградского университета. Попов называет его то Григорием, то Александром, пишет, что он умер в лагере (на самом деле — в Лефортовской тюрьме под следствием). Его родной брат Матвей Гуковский, тоже репрессированный, назван Михаилом.

Особенно меня возмутило то, что написано о Сергее Зилитинкевиче, муже Людмилы Дмитриевны. Мы познакомились с ним в ленинградской тюрьме «Кресты». Известный ученый-океанолог, Сергей был в конце 70-х арестован, судим и получил срок. Это дело — знаю не понаслышке — имело политическую подоплеку.

Особого внимания заслуживают стиль и язык. Попов упоминает французского слависта Рене Герру: «Лихачев в сопровождении Герры...» Или пишет: «Я прошерстил все материалы о Лихачеве». Пересказывая воспоминания Лихачева о днях его юности, автор восклицает: «Какую насыщенную, серьезную жизнь он вел... нет ни одного упоминания о том, как они славно «оттянулись» в пивном баре, потрындели о том, о сем».

Писать биографию человека, которого называют «совестью нации», — дело сугубо ответственное. А перед нами поверхностная, написанная на потребу обывателю книга, в которой сквозит именно то, чего органически не принимал Лихачев: бескультурье и пошлость. Да еще — оговор в отношении его ближайших родственников и любимых людей...

Запомним цифры: 6162

Билайн и благотворительный фонд «Подари жизнь» объявили о запуске первого в России сервиса ежемесячных мобильных пожертвований

В ресторане «Павильон» на Патриарших прудах **Чулпан ХАМАТОВА** в красной футболке с надписью «Подари жизнь» и эмблемой с разноцветными, взявшимися за руки, человечками светится радостью. Она так и говорит:

— У нас сегодня очень радостный день! Праздник! Теперь у нашего фонда есть свой короткий номер 6162, куда абоненты всех сетей могут отправлять SMS-пожертвования на лечение детей с онкологическими и гематологическими заболеваниями.

История этой радости была сложной и долгой. Долгое время сотрудники фонда пытались договориться с разными компаниями о коротком номере SMS, но им предлагали свои условия.

— Нам однажды сказали, — продолжила свой рассказ Чулпан, — давайте мы сделаем так, что 50% пожертвований будет идти нам, а 50 — детям. Мы сказали: «Нет, наш фонд никогда так не сделает!»

— Мы хотим иметь шанс помочь каждому ребенку, — сказала Дина Корзун. — Всякий раз после наших интервью на ТВ и в газетах начинаются всплески благотворительной помощи, но проходит немного времени и желание помочь у людей остывает. Я живу последние 5 лет в Лондоне, там тоже есть наш фонд, который помогает российским детям. В Лондоне каждый благотворительный фонд имеет свой мобильный номер и эти номера развешаны повсюду: в метро, на автобусных остановках. Так получается в итоге регулярная армия благотворителей.

Ключевое слово здесь — «регулярность». Человек может в добром порыве оказать разовую помощь, но потом перестает: хлопотно, сложно запомнить адрес сайта фонда, длинный номер телефона. Но ведь можно так же легко забыть и номер, на который можно отправить SMS. Для того чтобы этого не происходило, компания Билайн придумала кодовое слово — «месяц».

Происходить для вас все будет так: на номер 6162 вы шлете бесплатно SMS, где указываете сумму пожертвования. Она может быть разной, диапазон широкий: от 10 рублей до 15 тысяч. И слово «месяц».

Получаете в ответ от оператора запрос на подтверждение списания указанной суммы, соглашаетесь. А через месяц получаете новый запрос на подтверждение списания той же суммы. Вы можете сумму изменить, можете вообще отказаться, но скорее всего вы будете рады такому напоминанию. Потому что поставив в первой SMS слово «месяц», вы, по сути, сами попросили о том, чтобы вам напоминали о счастливой вашей возможности — помогать. И сделали эту возможность максимально удобной...

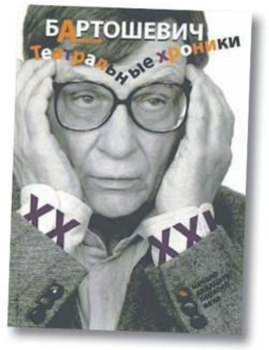
В отличие от разовой, ежемесячная программа мобильной благотворительности пока доступна только для клиентов Билайн, но скоро это станет возможным и для клиентов других сотовых операторов.

Галина МУРСАЛИЕВА, обозреватель «Новой»

Барт, собеседник Барда

Книга Алексея Бартошевича — не только «Театральные хроники»

Книга называется скромно — «Театральные хроники», на обложке — лицо автора, на манжетах — двойная дата: XX–XXI, а сверху имя — Бартошевич.

Крупнейший российский шекспировед, доктор наук, лауреат множества премий, человек театральной крови, преданный сцене генетически (внук великого Качалова), издал книгу (М., «Артист. Режиссер. Театр»), обманчиво простую, в которой все насыщено сложностью, не столько цветущей, сколько уже плодоносящей, какая дается лишь зрелому уму и опытному сердцу.

В нее вошли не только тексты и впечатления конца прошлого — начала нынешнего века, вошло возникающее из шекспировского космоса ощущение: «... вся жизнь театр и люди в нем актеры»; по Бартошевичу, верен и инверсионный порядок: театр — вся жизнь. Ее огромность и разнообразие, триумф и распятость, умещающиеся в коробке сцены, повествователь передает в первую очередь.

Бартошевича коллеги за глаза обычно называют Бартом. Сокращение фамилии отзывается — на английский манер — сокращением титула. Алексей Вадимович действительно один из последних аристократов профессии, которая сегодня все больше переходит в руки другого сословия. Он и правда баронет и в своей теории, и в практике: при жесткой определенности суждений умудрившийся ни с кем никогда не поссориться, при абсолютной беспощадности критического суждения обладающий стойкой способностью щадить творца и творение. Мастер театральной ясности, чей разбор и взгляд определены «дворянским чувством равенства со всем на свете», как у Живаго,

Барт недаром выбрал Барда: он крупнее всех; жизнь мысли, которая идет рядом с Шекспиром, мелкой быть не может. «То, что ты видишь и слышишь, — говорил Клайв Стейплз Льюис, — зависит от того, каков ты сам». Театр, остановленный в слове, интересен преломлением. Призма, сквозь которую идет впечатление, — личность смотрящего на сцену. Бартошевич в этом ракурсе — вполне себе магический кристалл. Его «ведение» — чистое, без накипи, сродни тайному знанию. Потому так притягательна его театральная проза. Текст, как расходящийся занавес — сцену, всегда открывает, насколько пишущий эмоционально богат, гуманистичен, нестяжателен. Тут автор вроде стоит вровень с театральным веком и в то же время чуть повыше; эта незримая «горка» — высота его внутренней реальности.

Диалоги о фестивалях во всех углах света, которые Алексей Бартошевич ведет с Екатериной Дмитриевской (видишь, сколь многое зависит от вопрошающего), открывают широчайшую панораму театра времени — мирового, европейского, российского. Английский и французский, немецкий и русский, традиционный и новаторский — всё входит во взгляд: и то, как особыми утюгами плоят брыжжи, и то, какой штоф за кулисами Комеди Франсэз, и какие золоченые стулья сохранились в Александринке, и каким стало новое здание театра в Стратфорде, и крупнейшие актеры европейской сцены, и талантливые дебютанты. А игра, в которую играют два собеседника, составляя виртуальный фестиваль лучших спектаклей полувека, позволяет многому отдать должное, от Брука до Стуруа, от Эфроса до Любимова...

Истинный критик всегда отчасти этик: оставаясь абсолютно скромным, Барт дает нам множество ненавязчивых уроков. Он спокоен, программно не суетен. Но спектакли, автором разъятые или собранные, придают «Театральным хроникам» внутренний объем помощнее иного романа. Пытаясь разобраться, какая культура автору ближе, мировая или отечественная, довольно скоро понимаешь, что для него вся культура — отечество, как для лицеистов — Царское Село. Его чувство сценического предполагает арт в широком смысле: знание живописи и музыки, истории и философии, мышление образами.

В наши дни, когда театроведы старшего поколения, обладатели безусловных авторитетов, устранились от идеологии профессии, предпочли удалиться в сады иных возможностей, в спорных случаях порой некому расставить оценки, обличить подделки, осадить взятелей ложных фигур. Бартошевич одним своим присутствием, своим голосом, звучащим негромко, с безукоризненной точностью, не дает цеху скатиться в плебейство мысли.

Помимо описываемого в книге есть еще один чрезвычайно интригующий театр — театр личности автора. Она столь же достойна размышления, сколь характеры, скажем, чеховских персонажей. Этот неспешный разворачиватель театральных смыслов, разбирающийся во всех оттенках грубой материи жизни, остается душевно изящным, целомудренно закрытым, неизменно деликатным. Но без нажима, мимоходом отмечает настоящую цену всему: и авангарду, захлебывающемуся в констатациях ничтожества, смертности и грязи человека. И тому, что в театре испаряется быстрее всего, — жизни души.

В конечную сумму, с которой оставляет вас книга, входит странное чувство веселого смирения, застенчивого превосходства (ни в коем случае не намеренного) и — глубины.

Марина ТОКАРЕВА

Гиллемовское цунами

Шесть вечеров балерина номер один выступала на сцене Театра им. Моссовета

«За 6000 миль», свою последнюю программу — премьера ее прошла в Лондоне в 2011 году, — Сильви Гиллем посвятила жертвам цунами в Японии. Напрямую посвящение касается разве что последней части, трагикомичного соло в постановке Матса Эка. После парижской премьеры, которая состоялась в прошлом году, эта программа в рамках Чеховского фестиваля доехала и до Москвы.

Поговаривают, что Гиллем не хотела ехать в Россию. Но после небывалого приема спектакля «Эоннагата» на прошлом Чеховском фестивале (2011), где женственная Гиллем предстала д'Эоном в мундире, мужской ипостасью загадочного дипломата, на этот раз она уже отправилась в Москву с удовольствием. И собирается запланировать тур по российским городам.

В 48 лет она по-прежнему — каждый год поражаешься этому — выглядит чудо-девочкой. По-прежнему являясь первой в балетном мире и абсолютной героиней 2000–2010-х годов. Она рано стала этуалью Парижской оперы, расставшись с ней так же быстро, как и взошла в ее стенах, для того чтобы покорить лондонский Ковент-Гарден. В конце XX века первая балерина ринулась в свободное плавание и стала этуалью современного танца — эталонным первопроходцем, соединившим территории классического балета с *contemporary dance*, заставив сочинять на себя живых гениев.

Ненасытная актерская порода Сильви Гиллем берет верх, и нынешняя программа не исключение: вместе с работой Матса Эка *Bye* идет дуэт Уильяма Форсайта *Rearray*.

Жесткий хореограф, он в тринадцати танцевальных микросюжетах (партнер Николя ле Риш) обрисовал ее биографический портрет, начертил ее трехдесятилетний путь. Влюбленный в нее Форсайт сочинил поэму о балерине — исполнительнице академических партий, цитаты которых проскальзывают тут и там, о балерине, прошедшей через неоклассику и увлеченной деконструкцией танца и собою воплощающей расширение его возможностей. То ее арабеск выстреливает, как стрелка часов,

то батман слепит своей идеальностью, подобно солнечному лучу.

Фильм третьего хореографа, Иржи Килиана, с участием бенефициантки и Сабины Купфюрберг, его жены и музы, московский вечер не открывал. Вероятно, для гастрольной версии «За 6000 миль» фильм решили заменить килиановским дуэтом «27'52» на тему «пока я так долго искал себя, я успел потерять тебя» (эти слова составляют часть музыкальной композиции). Экспериментов позднего Килиана мы почти не знаем, поэтому дуэт в исполнении артистов NDT-II (труппы, на которую в 2002 году создавался номер) был познавателен со всех точек зрения. Вполне возможно, что Гиллем пробудит как будто бы отошедшего от дел нидерландского мэтра. И будем надеяться, продолжит уникальное сотрудничество с Эком, разбередив его на нечто, подобное его авангардной «Жизели».

Кстати, свою очень интересную редакцию «Жизели» Гиллем как режиссер выпустила в конце 1990-х: первый акт происходил во времена итальянского неореализма, во втором — ирреальном — акте ее героиня неожиданно появлялась не в романтическом тюнике, а в реальном подвенечном платье, и яростно принимала обет виллисы — танцевать на пределе и до смерти затанцовывать мужских путников.

Пока что эковская чудачка, феллиниевская клоунесса, чаплиновская циркачка — все это Сильви Гиллем в его *Bye*. Прощальную арietту на музыку последней фортепианной сонаты Бетховена (глухого уже композитора, который слышал лишь отзвуки своей мелодии, Опуса 111) она пропела в танце так, что нежность пропитывала воздух, а хрупкость раздвигала границы сцены. Не случайно, видно, Эк выбрал эту музыку для Сильви. С косичкой за спиной в пегой рубашке, желтой юбчонке, ботиночках и носочках, такая потерянная, она застыла на голове вверх ногами. По-другому она просто не выдержит, когда тени родных смотрят на тебя по ту сторону экрана, который установлен на сцене. Даже мохнатый пес появляется на экране. Кажется, там, среди теней, мелькнул силуэт Аны Лагуны, жены и главной танцовщицы Эка. Это знак, что шведский хореограф принял Гиллем в свою балетную семью и отныне все ее желания и чаяния становятся и его тоже. В 1990-х она вдохновляла Эка на знаменитые миниатюры «Дым» и «Мокрая женщина», но одноактный спектакль *Bye* он все же создал на нее в момент, когда ни в ком, кроме ближайшего окружения (единственное исключение составляет еще Misha Барышников), хореограф не находил отклика и ни с кем, кроме них, не воплощал свои замыслы.

Так экстраординарная рыжеволосая танцовщица своими возможностями к перевоплощению, порывом к иным горизонтам сама, как цунами, накрыла июньскую театральную Москву.

О том, каким неистовым может быть ее танец, многие ее поклонники помнят по спектаклю *Push*, показанному в Москве четыре года назад (особенно выразителен был танец рук, когда танцовщица, застыв на месте в соло «Двое», не покидала луч света ни на секунду). Сейчас на поклоны вышла не мужественная, а застенчиво улыбающаяся женщина, держащая в руках букеты цветов. И на миг Сильви Гиллем заставила вспомнить о скромной чапливновской цветочнице, исчезающей в огнях большого города.

Варвара ВЯЗОВКИНА

Под парусом через океан

Остатки слайдов и обрывки дневника, найденные автором в море негативов и заметок, скопившихся после путешествий

Два слова: «Te Vega» — маленькая шхуна с холодными мокрыми каютами и симпатичной командой, составленной из наших и американцев, долго и прекрасно бродяжничала по Атлантическому океану в безуспешных поисках Чистой Воды. Пройдя полмира от Питера до Нью-Йорка, мимо Исландии и Гренландии, она так и не нашла ее. Порой мы неделями не видели судов, но нефть и пластик «экологические» сачки ловили каждый день. Увы, нам — родившимся в грязи, в грязи живущим и от грязи и дряни, произведенной нами, погибающим.

Балтика... Сначала на горизонте показались три металлические мачты, затем зеленый кораблик, похожий на сейнер. На борту надпись: «Рейнбоу». Отважный странник, один из флотилии благородных пиратов Гринпис. На нем команда: прекрасно оснащенные и отчаянно смелые парни и девицы, терроризирующие всех, кто оскверняет живой мир, — китобоев, политиков, нефтедобытчиков... Рядом с «Рейнбоу» наша шхуна выглядит совсем маленькой и невероятно красивой даже с неполным парусным вооружением (без триселей).

Атлантика за нулевым меридианом... Ветер задул, когда я был на руле. «Te Vega» наклонилась, черпая левым бортом воду. Мы неслись. Правая нога была согнута, словно я плясал вприсядку, левая — прямая. Капитан Грэг Сванзи стоял рядом, корректируя курс. Мы взлетали на уровень третьего этажа и мягко опускались, поднимая тучи брызг. Бушприт качался вверх-вниз, указывая то на небо, то на серое море. В этот момент кто-то заметил на фоке дырку. На палубу вывалились разноцветные люди. Солнце, прорывавшееся сквозь тучи, освещало зеленым закатным светом мокрые робы и белые паруса. Теперь надо было «привести» шхуну, чтобы ребята могли зарифовать раненый парус. То, что для мореходов норма, для меня было достижением. Но я удерживал курс в штормовую погоду! Никто не заметил моего подвига. Впрочем, если бы я сбился — товарищи сделали бы вид, что все идет нормально.

Район Исландии... Утром меня разбудил боцман: «Прости, что беспокою после вахты, но там киты». Пока я натягивал мокрые свитера и робу, пока выполз из нашей вечно мокрой, шестиместной каюты величиной с сундук, с водой на полу по щиколотку, киты ушли. Обругав всех, кто попался под руку, за то, что не разбудили раньше, я уселся на палубе покурить трубку. В это время кто-то шумно вздохнул, и на поверхности океана, метрах в десяти от борта, появилась огромная серо-коричневая спина. Фонтан, о котором столько читал в детстве, был выдохом водяной пыли и поднимался метра на три-четыре. Чудовище медленно перевалилось неглубоко под воду и через минуту вынырнуло рядом с другим бортом.

На шхуне полно книг о природе моря. И фотографий китов я насмотрелся. Там они кажутся меньше размером, а выброшенный на берег, сплющенный собственным весом кит, выглядит вовсе не убедительно.

Однако в океане! Грандиозное живое существо, мирное, теплое и доверчивое. Возникло ощущение его «домашности» и полной беззащитности перед венцом творенья. Убить кита — какая доблесть! Человек перестает быть участником натурного процесса, он выделил себя из мира животных и растений. Поставил себя над экосистемой. Он стал фашистом природы. Ощущая силу и превосходство, он перестал считаться с законами, благодаря которым

явился на свет сам. Кит остался в своей среде. Он живет, как и человек, — лет семьдесят-восемьдесят. Если не убьют.

Рейкьявик... Сюда мы зашли как граждане моря — залатать порванные штормом паруса. В этом городе чувствуешь себя и Гулливером и лилипутом одновременно. Если посмотреть на него с горки, теряешь масштаб, и он предстает аккуратно сработанной игрушкой. С другой стороны, ты тоже участник этой игрушечной жизни, и поэтому легко допустить, что кто-то смотрит на тебя сверху. Все дома опрятны и неодинаковы, чистенькие машины двигаются как бы шепотом — 20 км в час, хотя никаких ограничительных знаков и никаких полицейских нет и в помине. В помине нет и пешеходов. Бог его знает, где они. Только возле порта рыбаки вытаскивали улов, и два пацана в толстых свитерах, хлопая рыжими ресницами по веснушчатым щекам, теребили рыжего ленивого кота у памятника Эрику Рыжему. Этот монумент подарило Исландии правительство США за то, что сын Эрика Рыжего — Эрик Счастливый (тоже, наверное, рыжий) — задолго до Колумба открыл для себя Америку.

Вышли из порта с лоцманом и стали до утра на якорь. Утром на колбасу поймал селедку и полведра камбалы. Джош сделал мне замечание — я ловил рыбу во время собрания. Американцы любят собрания еще больше, чем мы. А я люблю ловить рыбу. Чак одобрил мое отсутствие на собрании, учитывая пойманную рыбу. Тем более что это был последний улов в плавании. «Держи спиннинг крепче, — сказал мне местный лоцман. — Может клюнуть палтус». Я улыбнулся, мол, не то ловили, и в тот же момент страшный рывок вырвал из рук снасть и она, описав короткую дугу, скрылась под водой.

Ветер усилился. Мы понеслись со скоростью 12 узлов. Шквал с дождем. Зевнули штормовой порыв, и вслед за фоком порвался грот. Дыра небольшая, но теперь приходится идти на одних «бюстгальтерах» — кливере и стакселе... Холод. Одежда не высыхает, в каюте по стенкам течет конденсат. Пресную воду на мытье не тратить!

У Гренландии залатали фок и, помолясь, решили его поставить. Несмотря на морскую болезнь, которая достала даже опытных мореходов, на аврал вышли все, кто мог стоять на ногах. С пиратской песней «шанти» с трудом подняли его на мачту и долго смотрели на латку: выдержит ли? Пока держит. В честь возвращения паруса — праздник. Американцы поют замечательно. Это традиция. Много лет, плавая по Гудзону с Питом Сигером, они спели все его песни и теперь сочиняют свои. Наши тоже пели. Ночью все вышли на палубу поиграть китам. Флейта и гитара. Китам наверняка пришлось по вкусу.

Задуло. Сзади накатывают огромные волны. На клиперах, которые хорошо ходили по попутному ветру, рулевым было запрещено оглядываться назад, чтобы не испугаться волны. От штурвала до рубки — два метра. Я хотел пройти их после вахты не пристегнувшись, но не смог. Волна ударила в борт, и меня бросило на угол рубки. Двух ребер как не бывало. Стал пристегиваться. Стоит выглянуть солнцу, как прощаешь этому путешествию все. Мой друг Артем Соловейчик говорит, что длительное пребывание на шхуне раздражает, но стоит кончиться плаванию, как снова тянет в море. Американцы кивают. Я верю.

Только сегодня узнал, что никакой радиосвязи у нас с берегом и с другими судами нет. Капитан велел быть внимательными. По нашему курсу возможны айсберги. Мы приняли к сведению его сообщение и с недоверием стали обсуждать, с чего это он так решил.

С ночи идем курсом 225. Выходит только что проснувшийся капитан Грэг с чашкой кофе в руке. Смотрит на паруса и, не видя компаса, говорит: «Идем 225? Я полагаю, можно 270». И уходит, помешивая кофе ложкой... Может, действительно айсберги в этом районе?

Ночью не идем. Капитан перестраховывается. Тема «Титаника» и айсберга передается с вахты на вахту. Трагедия произошла как раз в этих местах.

Утром увидели два огромных айсберга. Тема перестраховки прошла сама собой. Грэг молодец. Подошли метров на 300. Ближе нельзя. Иногда они переворачиваются: подводная часть подтаивает быстрее. На вершине — тысячи птиц. Вода вокруг него ярко-зеленая.

Спустили надувную лодку. Мы влезли втроем. На моторе первый помощник Альберт Нэджма — бородатый морской волк. «Te Vega» со стороны выглядит обшарпанной, какой и должна быть после такого перехода, и обаятельной — дом. Айсберг чист и прекрасен. Страшновато на «резинке». Километров шесть под нами.

У Ньюфаундленда. Утром солнце, ветер. Кто-то вбежал в кубрик: «Акула!» Оказалось, веселый кит лежал на спине и хлопал плавниками. Потом опустил голову и хвостом «перегородил» вход в пролив Бел-Айленд. Капитан сказал: «В пролив не идем. Кит не велит». Это не примета, это знак. Так мы в него и не вошли. Ветер сменился на встречный, как предупреждал кит. Пришлось идти на юг вдоль Ньюфаундленда.

Пересекаем Гольфстрим. Море чернильно-фиолетовое. Солнце, штиль. Все стирают. Ожили. Купались до вечера. Закат хулиганил разными красками, непрофессионально смешивая цвета.

Утром я рукой поймал летучую мышь. Берег близко. И вдруг дикий ветер. Дождь летит параллельно воде. Мы с американцем Майком Герцевицем в «непромоканцах», насквозь мокрые, вдвоем на палубе — впередсмотрящие. И вдруг в сером несущемся мареве возникло кипение. Пятиметровая волна завернулась барашками, обгоняя шхуну, и тут с вершины ее вылетел дельфин. Потом другой. По два, по три, квартетом, подчиняясь дикому ритму, словно сыгранному на ударных потрясающим музыкантом Володей Тарасовым, они взлетали и врезались без брызг в воду. Дельфины летали, и возникало ощущение, что в воздухе они так же уместны, как в воде. Несущаяся по океану, чуть не лежа на боку шхуна, ветер, дождь, дельфины — ощущение счастья и свободы у двух крепко привязанных к леeру людей. Мы обнялись.

Мы сошли на берег в Нью-Йорке с браслетами из обрывков паруса. Обрученные с морем и связанные друг с другом общей жизнью. Казалось, так будет всегда.

***P.S.** Душой путешествия и нашим морским учителем был первый помощник капитана Альберт Нэджма (на снимках он с бородой и в черной зюйдвестке). Когда я готовил фото и текст к печати, из Америки пришло сообщение, что мы потеряли своего друга. Этот материал я посвящаю его памяти.*

Юрий РОСТ

карта памяти

Ни достижений, ни обид
Не помнит объектив стеклянный,
Случайное в непостоянном
Нам карта памяти хранит.
Винсент Шеремет

Последние дни космоса

Осталось три дня, чтобы посмотреть фотографии **«Многогранного космоса» — выставки в Московском доме фотографии**, посвященной полувековому юбилею полета в космос первой женщины-космонавта Валентины Терешковой и обнаруживающей большое количество кадров из жизни советской и российской космонавтики. Документированием каждого шага этой отрасли народного хозяйства занимались Л. Бергольцев, С. Борисов, А. Абаза, В. Генде-Роте, Н. Свиридова и Д. Воздвиженский, В. Лебедева, Г. Дубинский, И. Снегирев, О. Кузьмина, С. Преображенский, А. Пушкарев, А. Моклецов и другие авторы. Многие из них мало знакомы широкой публике, но интересны тем, что имели возможность снимать внутри лабораторий, на космодромах, в аудиториях и в Центре управления полетами. В экспозиции представлены также фотографии земного горизонта, позже использованные для обнаружения аэрозольных слоев атмосферы планеты, которые сделала сама Терешкова в ходе своего полета, длившегося почти трое суток. Потом шаг за шагом по фотографиям и документальным видеоматериалам можно проследить, как молодая женщина становится легендой своей страны. Поторопитесь, в общем.

Ул. Остоженка, 16. До 30 июня

Ведущий рубрики: **Валерий ГОР**

Парк-рок

Как говаривал профессор Хьюберт Фарнсворт, *good news everyone!* **Фестиваль Park Live на ВВЦ**, изначально планировавшийся на грядущие выходные, стал трехдневным и начинается уже **сегодня в 19.00** большим сольным концертом основательно забородевшего Фреда Дерста и его вокально-инструментального коллектива *Limp Bizkit*. Ожидается, что суровые эмтивишные альтернативщики врежут и пару песен с нового альбома *Stampede of the Disco Elephants*, выход которого должен случиться с недели на неделю. Кроме них нынче вечером на сцене финские рокеры *Poets Of The Fall* и наши — *Louna*. Хедлайнером второго, завтрашнего дня станут американцы *The Killers*, почитающиеся некоторыми, несмотря на относительно недолгую свою историю — всего-то 12 лет и 4 лонгплея — культовой группой. Компанию им на основной сцене в течение дня составят «Мумий Тролль» с Ильей Лагутенко во главе, от которых тоже ждут нового материала, менее известные отечественная группа *Everything Is Made In China*, а также английские инди-рокеры White Lies и французские электронщики *Justice*. А ведь есть еще вторая сцена, в павильоне №20. Там завтра можно ловить, например, проект *Tomorrow's World*, за которым стоят Жан-Бенуа Дункель из *Air* и Ли Хейтер из *New Young Pony Club*. Второй фестивальный день перейдет в фестивальную ночь с мегамиксом от англо-австралийской драм-н-бейс-банды *Pendulum* с MC *Verve* у микрофона. Наконец, третий, воскресный день фестиваля пройдет

Иона Ли, создательница проекта iamamiwhoami

под знаменем американских поп-панков из *Parepmore* и иже с ними: канадский электронный дуэт *Crystal Castles*, завывающие металлические голландцы Within Temptation, наша Земфира и московская формация *Biting Elbows*. Опять же с полноценным сетом выступят калифорнийцы NOFX. На второй сцене в воскресенье — *Emika* (Англия) и шведские продолжатели лучших традиций синтипопа *iamamiwhoami*. В общем, всех и не сосчитаешь. Но послушать можно.

Пр-т Мира, 119. Начало концертов 29 и 30 июня в 12.00

Платформенное голошение

«Платформа» закрывает сезон исполнением — первым в России — произведения **Stimmung Карлхайнца Штоккхаузена**, наверное, самого известного немецкого композитора XX века. «Stimmung» — слово, которое сам Штокхаузен, как и все немцы, понимал как «настройку» в музыкальном смысле и как «настрой» — в душевном. Ну и еще оно родственно слову «Stimme» — «голос», так что Stimmung, по меткому замечанию композитора Александра Маноцкова, можно переводить как «Голошение». Исполнители этого произведения и правда не столько поют, сколько голосят — не в смысле, что вопят, разумеется, а «делают что-то голосом». Шесть голосов — три мужских, три женских — на протяжении приблизительно семидесяти четырех минут постепенно перетекают из одной звуковой ситуации в другую, причем никаких изменений, которые нормативны в «классической» музыке, не происходит. Однако музыка эта не фон для медитации, а чрезвычайно насыщенный событиями процесс. Просто эти события происходят на тембровом, обертоновом и словесно-заклинательном уровне. Многократно повторяемая с небольшими постепенными изменениями формула — это в каком-то смысле противоположность развернутой мелодии. Феномен концерта **29 июня** будет заключаться в том, что исполнять сложное произведение будет Ансамбль Покровского, специализирующийся на фольклорной музыке. Это придает «Штиммунгу» совершенно новое звучание и смысл.

4-й Сыромятнический пер., 1, стр. 6. Начало в 20.00

Гильермо Перес

Звук да Винчи

Леонардо да Винчи был, как известно, прославленный художник, выдающийся музыкант и гениальный изобретатель, живший на переломе двух веков, между двумя странами, Италией и Францией... Если всмотреться в панораму музыкальных форм выражения той эпохи (около 1500 года), открывается сосуществование древности и современности, архаики и новаторства, достойного прошлого и революционного настоящего. Старый мир, который никогда не будет прежним... В 1964 году в Мадриде были обнаружены две рукописи Леонардо, так называемые «Мадридские кодексы», которые стали одними из главных источников по инженерному делу, механике, статике, геометрии и фортификации того времени. Среди нововведений в различные машины и механизмы нашлось место и музыкальным инструментам. В частности, да Винчи сделал эскиз органетто, который можно считать поистине революционным по сравнению со средневековыми образцами. В новом инструменте имелись «меха двойного действия», гарантировавшие постоянное поступление воздуха, вертикальная клавиатура, в которой мы без труда узнаем прообраз аккордеона, а также «бумажные или деревянные трубы», типичные для небольших органов эпохи Ренессанса. Уже в наше время органисты и мастера Вальтер Чиналья и Гильермо Перес реконструировали изобретение Леонардо и получили **органетто** с новым качеством звучания, которое по-новому раскрывает музыкальный мир XVI столетия. Услышать это звучание можно **30 июня** в Рахманиновском зале **Московской консерватории**: неповторимый в буквальном смысле инструмент представит один из авторов реконструкции **Гильермо Перес**.

Ул. Б. Никитская, 13/6. Начало в 19.00

Тициан приехал

Вслед за прерафаэлитами с берегов Туманного Альбиона **в ГМИИ им. Пушкина** заселились шедевры Тициана из музеев Италии. Великий мастер Возрождения вошел в историю мировой живописи как выдающийся колорист, основатель жанра психологического портрета, реформатор религиозной и исторической живописи, предвосхитивший барокко. В экспозиции под немудрящим названием **«Тициан. Из музеев Италии»** представлены его произведения самых разных жанров — портреты, религиозные и мифологические картины. Среди последних особо стоит отметить картины «Флора» из собрания галереи Уффици и «Даная» из Музея Каподимонте в Неаполе. «Данай» у художника было много, одна из них живет в Эрмитаже — кто знает, имеет возможность сравнить. С учетом прерафаэлитов, собираясь в «Пушкинку», готовьтесь основательно постоять в очереди на вход.

Ул. Волхонка, 12. До 29 сентября

Тициан. Даная

Italia da Mosca

Завтра дизайн-завод «Флакон» вместе с Итальянским институтом культуры в Москве и творческой лабораторией *Artmind* зазывает всех погрузиться в двенадцатичасовое многообразие итальянской культуры, не выезжая за пределы МКАД. В **«День Италии»** на «Флаконе» обещают выступления оперных певцов, венецианский карнавал, съемки кино, показ мод, вернисаж, спектакли Московского театра теней. Ну и куда без итальянской кухни. Уже на входе творениями Вивальди вас встретит струнный квартет. На площадях будут звучать импровизации на духовых и диджейские миксы, один из которых — попурри из феллиниевских фильмов и современных дискоджазовых ритмов — сыграет несравненная Татьяна Литвиненко из «Квартала». На основную же музыкальную сцену выйдет группа L.E.T.O. со своей nu-jazz'овой программой. Это что касается поп-музыки. Потому что главным событием фестиваля станет выступление тенора Сергея Борзова, сопрано Елены Исаевой, контратенора Юлия Котова и альта Далера Назарова с незабываемыми фрагментами опер Верди и Пуччини и неаполитанскими песнями. А между тем весь дизайн-завод превратится в киногород, подобный легендарной «Чинечитте», студии, где работал Феллини, в котором будут проходить съемки кинофарса *Italia da Mosca* — о представлениях москвичей об Италии. Ну, вы сами представляете.

Ул. Б. Новодмитровская, 36. Начало в 12.00

Белогвардейские песни

5 июля в клубе «Гнездо глухаря» группа «Белая гвардия» с Зоей Ященко во главе собирается отмечать двадцатилетие и исполнять по такому случаю свои лучшие песни разных лет. Творчество «Белой гвардии» литературно и драматично, многие строки, кажется, нашептаны героями Кортасара и Ремарка, Бёлля и Лермонтова, с которыми музыканты вместе пьют в кофейнях, а после слоняются по ночным улицам Питера и Парижа.

Цветной бульвар, 30. Начало в 20.00

Соучастники

36 редких фотографий — такова основа **экспозиции «Соучастие» в Центре фотографии им. братьев Люмьер**, открывающейся 2 июля и разворачивающей перед зрителем — лапидарно, но выразительно — жизнь и работу знаменитой супружеской четы художников Фриды Кало и Диего Риверы. В 36 фотографий помещаются бурный роман, длившийся четверть века, отношения с ссыльным Троцким, политический активизм, защита национальных ценностей и культуры Мексики. Они были соучастниками друг друга во всем: в революционной борьбе, в любви, в идеалах. И конечно, они были соучастниками в судьбе, целью которой была живопись. И хотя они шли разными путями, их объединяла любовь к искусству доколумбовой эпохи и коллекциям. 36 фотографий, две жизни и история одной страны. Интересно.

Болотная наб., 3, стр. 1. До 28 июля

Свадьба Диего Риверы и Фриды Кало. Мехико, 1929 г.

В ТОЧКУ РУ

Игорь ИРТЕНЬЕВ

* * *

Ввиду отсутствия дорог
Метафизическое пьянство
Есть не общественный порок,
Но пафос русского пространства.

Мы проспиртованы насквозь,
Внутри нас все перебродило,
Но знаменитое «авось»
Ни разу нас не подводило.

EPA

Бразилия в атаке на коррупцию

Почему страна, живущая футболом, бунтует против чемпионата мира

Мир обнаружил, что Бразилия не любит футбол. Поразившее всех открытие случилось на Кубке конфедераций — турнире, который предшествует финальному турниру чемпионата мира-2014 и является разогревом к нему. Разогрелась страна с матча открытия в столице между сборными Бразилии и Японии, да так и не может остановиться.

Исчисляемая сотнями тысяч, если не миллионами, часть населения выразила свое пламенное «фе» и тестовому турниру, и будущему чемпионату. Которого Бразилия ждала, между прочим, 60 с лишним лет и была совершенно счастлива, когда ей, наконец, предоставили это право.

Из-за футбола ссорились страны, ломались политические карьеры, гибли люди, да чего только не случалось из-за самой прекрасной игры на свете. Но причиной околофутбольных страстей, массовых беспорядков и прочих не красящих футбол явлений, как правило, становились победы и поражения, выходки ультрас, вопиющие проблемы с инфраструктурой арен, ненадлежащее обеспечение безопасности — все то, с чем мир, увы, уже свыкся.

Но в Бразилии, этой Мекке футбольного мира, открылось нечто совсем иное. Внешне ничто не предвещало протеста. Стадионы построили или реконструировали потрясающие — одна только арена «Мане Гарринча» в Бразилии, образцовая со всех точек зрения, чего стоит. Меры безопасности — на высоком уровне. Состав участников — великолепный, даже экзотическая сборная Таити, завершившая турнир с разницей мячей 1-24, добавила колорита. Матчи на групповом этапе радовали абсолютно искренним футболом, никто за результат не держался и не стремился победить любой ценой. Наконец, сборная хозяев играла, как самбу танцевала, чего не наблюдалось уже давно. Болей и радуйся, страна!

Страна заполняет стадионы шести городов, болеет и радуется. Но параллельно выходит на манифестации, разбивает витрины, переворачивает и закидывает камнями автомобили, штурмует здания, получая в ответ водометы, слезоточивый газ, шумовые гранаты, резиновые пули и прочие прелести. Как это совмещается, мало кто понимает, но дело дошло до того, что под угрозой отмены оказались не только знаковые и лакомые для болельщиков всего мира полуфиналы (Бразилия — Уругвай, Испания — Италия), но и сам грядущий праздник мирового футбола.

К сути. Активная часть населения страны выступила не против футбола как такового, не против нынешнего и будущего форума, а против того, что для его проведения слишком много украли и слишком мало сделали из того, что обещали. Что уровень расходов для страны оказался слишком высоким, а основная нагрузка легла на простых людей. Что полезнее было бы потратить огромные средства на образование, медицину и помощь беднейшим слоям. Во всяком случае, главные лозунги всех манифестаций изначально носили именно социальный характер и были жесткими, но исключительно мирными. Но если почва подготовлена, где социальное — там и политическое, где мирное — там и буйное, где массовое — там и кровавое, с последствиями придется разбираться еще долго.

К чести руководства страны, в частности, для прерывавшей визит в Японию президента Дилмы Руссефф, оно не стало валить все на экстремистов-провокаторов и мировую закулису. Оно даже пошло на какие-то уступки — в частности, выполнило одно из требований и снизило плату за проезд на общественном транспорте. Но было уже слишком поздно.

Обещание праздника не заставило закрыть глаза на то, как живет страна. Бразильцы не предали футбол — просто их гражданское самосознание и ненависть к паразитам, которые рассчитывали прикрыться народной любовью и пафосом, оказались сильнее.

Это и есть то новое явление в мировой футбольной, и вообще в спортивной действительности, которое призывает к очень серьезному осмыслению происходящего. Сделать скидку на то, что бразильцы — народ темпераментный и отходчивый, конечно, можно. Но легковесное отношение к проблеме чревато еще большими неприятностями через год, когда Бразилию ждет уже не шторм под названием «Кубок конфедераций», а цунами под названием «чемпионат мира».

Вам ничего эта история, которая привела к десяткам антифутбольных «болотных», не напоминает? Нет, конечно, нам ничего подобного в связи с ближайшими мегаспортивными мероприятиями не грозит. У нас же не воруют, распиливая бюджеты. У нас же не увеличивают средства на строительство арен в несколько раз. У нас же гигантские расходы на инфраструктуру не мешают выполнять обещанные социальные программы. Нам же заранее разъяснили, что ради счастливых мгновений можно и потерпеть: невосторженное отношение к грядущим праздникам не приветствуется, а протесты подрывают национальный престиж.

И вообще мы — не Бразилия...

Владимир МОЗГОВОЙ,
обозреватель «Новой»

ТЕЛЕНЕДЕЛЯ

с Ириной ПЕТРОВСКОЙ

Михайлов и пустота

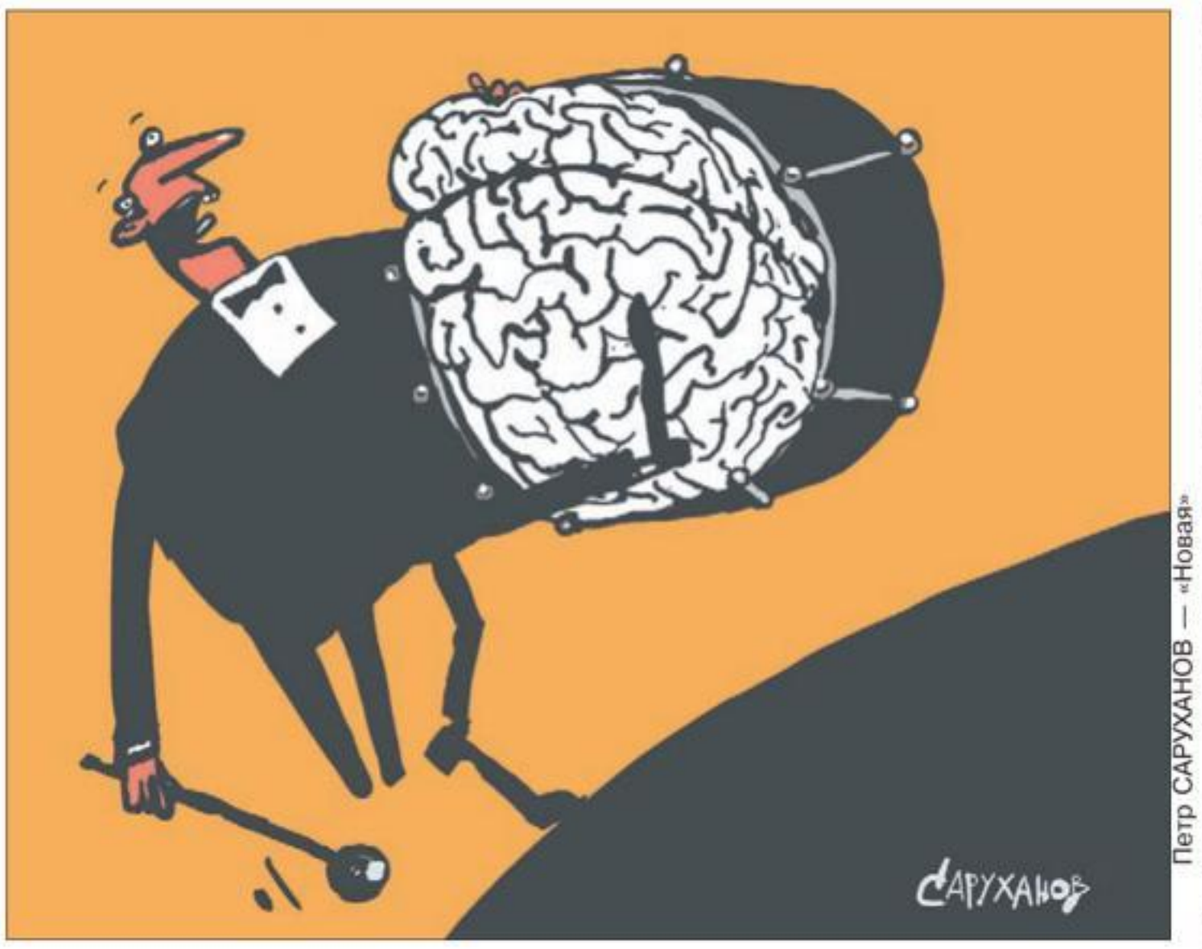
Программа «На ночь глядя» попыталась понять природу успеха самого популярного певца России

Стас Михайлов сегодня доносится почти из каждого утюга. Садитесь в такси, а у водителя на весь салон орет Михайлов. Звоните другу, а вместо привычных гудков в трубке слышите: «Без тебя, без тебя-я-я». Друг в ужасе, пытается выяснить, что сие означает: оказывается, операторы сотовой связи, руководствуясь, видимо, личными вкусами, теперь навязывают клиентам такую услугу, и многим, кстати, нравится. Первый телеканал отдает под сольные концерты Стаса Михайлова несколько часов эфирного времени в лучшие праздничные дни. Самый популярный телеведущий Андрей Малахов самолично и эксклюзивно посещает загородный дом кумира миллионов — весь в мраморе, позолоте и образах, один из которых он благоговейно принимает в подарок, крестясь и от души благодаря щедрого дарителя. Столпы российской эстрады почитают за честь выступать у него на подпевках.

Интеллектуалы недоумевают: кто это? Откуда он взялся и почему в мгновение ока завоевал сердца миллионов россиянок и россиян? «Любит наш народ всякое г... но», — констатирует в своей скабрезной песне Сергей Шнуров по прозвищу Шнур, но это все равно мало что объясняет. Уж сколько, казалось бы, мы этого «всякого» видели-перевидели, но такого общенародного восторга давно не вызывал никто.

«Народ должен знать своих героев», — решили Борис Берман и Ильдар Жандарев и пригласили любимца публики в свою программу «На ночь глядя». «Фейсбук» зашелся в возмущении: «И ты, Брут?» То есть как вам в голову пришло, умные ведущие одной из немногих умных программ, звать к себе вот это самое... ну, то, что любит наш народ? И сколько же денег герой занес на канал, дабы получить эфир в программе, где до него бывали лучшие люди страны — настоящие музыканты, писатели, режиссеры, артисты? «Тьфу на вас!» — сказали одни и немедленно выключили телевизор. «А поглядим-ка, с какими лицами будут эти умники задавать вопросы столь нетипичному для них персонажу и как станет изворачиваться под их саркастичными взглядами бывший сочинский ресторанный лабух», — решили другие и прильнули к «ящику».

С лицами своими, надо признать, опытные ведущие совладали, хотя и казалось временами, что сейчас не выдержат и «расколются», то есть засмеются прямо в лицо интервьюируемому, слушая очередной его пафосный спич. Но профессионализм и искреннее желание понять, что же это за фрукт такой, Стас Михайлов, победили интеллектуальный снобизм, и беседа получилась на редкость увлекательной и познавательной.

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Сам герой явно не считал для себя такой уж большой честью быть приглашенным на программу не своего, мягко говоря, формата. Похоже, напротив, полагал, что сделал Берману с Жандаревым немалое одолжение, согласившись прийти к ним «На ночь глядя». Такого самодовольства не демонстрировали в этом эфире и куда более знатные и заслуженные наши соотечественники. Зато с каким неподдельным восхищением смотрел он нарезку из собственных выступлений, которую показали в начале программы Берман с Жандаревым! О, этот взгляд, мастерски выхваченный оператором! О, эти размышления о своем творчестве — и снисходительный комплимент собеседникам: «Вы же тоже творческие люди».

«Что сформировало ваш, ну, скажем так, вкус? — спрашивали журналисты. — Какие книги вы читали? Какую музыку слушали? Среди поэтов кто вам близок?» «Ну, Мандельштам, — отвечал Стас Михайлов. — Но это невозможно петь... Я пою, что было знакомо мне, сам прошел... Надо жить для людей... Я пою про жизнь, про душу, про небо... Музыку слушал разную, но вообще мозг должен быть свободен. В детстве фантастику любил, а сейчас, честно говоря, я больше читаю духовную литературу. Для меня, поскольку я человек православный, важно выражение «Евангелие можно читать не перечитать». По одной главе каждый день и все время открываю что-то новое».

Фразы «Я как человек православный», «Господь управит» звучали рефреном в течение всего разговора. Выходило по всему, что именно Господь Бог и управляет творчеством Стаса Михайлова, и ему же он обязан своим феерическим успехом.

Но Берман с Жандаревым жаждали конкретики: «Когда вы сочиняете песню, что для вас первично — музыка или текст?» «Это называется одним словом: «творчество», — без ложной скромности делился секретами своей творческой лаборатории Стас Михайлов. — Это необязательно, что я сегодня сел, покушал и написал песню. Нет, это всегда неожиданно». «Но насколько мы знаем, вы не учились в музыкальной школе?» — продолжали допекать героя интервьюеры. «Я вообще не знаю нот, — с гордостью поведал музыкант. — Ориентируюсь по слуху, по наитию». «Некоторые столпы отечественной эстрады относятся к вам не очень доброжелательно. Чем вы им помешали?» — гнули свою линию ведущие. «У нас, православных, есть правило: если о тебе все будут говорить хорошо, то горе тебе», — смиренно ответствовал интервьюируемый.

Тут журналисты и подловили своего героя. Показали еще одну нарезку из многочисленных пародий на него. И христианское смирение куда-то улетучилось, когда он заговорил о «клоунах», которые пачкают своим кривляньем его светлый образ: «Смеяться над фамилией Михайлов не позволю! Я свое имя зарабатывал двадцать лет». «А как же быть с вашим принципом: если о тебе будут говорить только хорошо, то горе тебе?» — уточнили ведущие. «Меня пускай высмеивают, — спохватился Михайлов. — Но это мать мою обижает». И по выражению его лица стало понятно: за мать свою может «клоунам» и пасть порвать — даром что православный.

И еще из смешного. «Когда вы обрели популярность и успех, вы стали жить в стеклянном доме», — говорит Борис Берман. «В стеклянном?» — в недоумении переспрашивает Михайлов, явно намереваясь рассказать, из каких именно дорогостоящих материалов сложен его роскошный особняк. «А правда, что вы себе заказали герб?» — продолжает ведущий. «Не герб, а знак, логотип своей фирмы. Но это хорошая идея — почему бы и герб не сделать, как раньше многие дворяне делали».

В течение всей беседы я вместе с ведущими пыталась понять, в чем же все-таки природа феноменальной популярности этого экзотического персонажа. А вот в чем. Он сам лишен рефлексий и позволяет людям не рефлексировать по пустякам. Он сам «творит по слуху и наитию» и позволяет публике от души оттягиваться на примитивном ресторанном шансоне, удовлетворяя ее тягу к простому «умца-умца», а не к какому-то заумному Мандельштаму, которого «невозможно петь». Православная риторика, коей он обильно умащивает свою речь, привлекает множество неофитов, принимающих это за подлинную духовность. Плюс к этому он всячески демонстрирует свою мужскую сущность. «Ах, какой вы мужчина, я хочу от вас сына» — как поется в еще одной ресторанной песне неизвестного мне автора. Ну, и самое главное: «Мозг должен быть свободен» — как у творца, так и у его многочисленных поклонников. Мозг вообще многому помеха.

Редактор номера: Ю. Сафронов

www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете: NovayaGazeta.Ru

Новая газета

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия: **Ольга БОБРОВА** (обозреватель), **Сергей КОЖЕУРОВ** (первый зам главного редактора), **Андрей КОЛЕСНИКОВ** (обозреватель), **Андрей ЛИПСКИЙ** (зам главного редактора, редактор отдела политики), **Нугзар МИКЕЛАДЗЕ** (зам главного редактора, редактор службы информации), **Алексей ПОЛУХИН** (редактор отдела экономики), **Георгий РОЗИНСКИЙ** (зам главного редактора), **Юрий РОСТ** (обозреватель), **Петр САРУХАНОВ** (главный художник), **Юрий САФРОНОВ** (редактор пятничного выпуска), **Сергей СОКОЛОВ** (зам главного редактора, расследования — «отдел Юрия Щекочихина»), **Ольга ТИМОФЕЕВА** (редактор отдела культуры), **Олег ХЛЕБНИКОВ** (зам главного редактора), **Виталий ЯРОШЕВСКИЙ** (зам главного редактора, редактор отдела «Общество»)

Обозреватели и специальные корреспонденты: **Роман АНИН**, **Юрий БАТУРИН**, **Ольга БОБРОВА**, **Борис ВИШНЕВСКИЙ**, **Эльвира ГОРЮХИНА**, **Елена ДЬЯКОВА**, **Зоя ЕРОШОК**, **Вячеслав ИЗМАЙЛОВ**, **Сергей КАНЕВ**, **Павел КАНЫГИН**, **Елена КОСТЮЧЕНКО**, **Юлия ЛАТЫНИНА**, **Владимир МОЗГОВОЙ**, **Галина МУРСАЛИЕВА**, **Леонид НИКИТИНСКИЙ**, **Ирина ПЕТРОВСКАЯ**, **Алексей ПОЛИКОВСКИЙ**, **Юлия ПОЛУХИНА**, **Елена РАЧЕВА**, **Людмила РЫБИНА**, **Слава ТАРОЩИНА**, **Марина ТОКАРЕВА**, **Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР**, **Вера ЧЕЛИЩЕВА**, **Наталья ЧЕРНОВА**

Ведущие рубрик: **Евгений БУНИМОВИЧ**, **Дмитрий БЫКОВ**, **Юрий ГЕЙКО**, **Александр ГЕНИС**, **Павел ГУТИОНТОВ**, **Андрей КОЛЕСНИКОВ** (Мнения & Комментарии), **Александр ЛЕБЕДЕВ**, **Александр ПОКРОВСКИЙ**, **Юрий РЕВИЧ**, **Кирилл РОГОВ**, **Дина РУБИНА**, **Владимир РЫЖКОВ**, **Ким СМИРНОВ**, **Артемий ТРОИЦКИЙ**, **Сергей ЮРСКИЙ**

Руководители направлений: **Руслан ДУБОВ** (спорт), **Лариса МАЛЮКОВА** (кино), **Елена МИЛАШИНА** (спецпроекты — «отдел Игоря Домникова»), **Надежда ПРУСЕНКОВА** (пресс-служба)

Группа выпуска: **Анна АРТЕМЬЕВА** (фотокорреспондент), **Анна ЖАВОРОНКОВА**, **Алексей КОМАРОВ**, **Татьяна ПЛОТНИКОВА** (бильдредакторы), **Оксана МИСИРОВА**, **Надежда ХРАПОВА**, **Вероника ЦОЦКО** (технические редакторы, дизайн, макет)

Собственные корреспонденты: **Надежда АНДРЕЕВА** (Саратов), **Георгий БОРОДЯНСКИЙ** (Омск), **Борис БРОНШТЕЙН** (Казань), **Иван ЖИЛИН** (Киров), **Сергей ЗОЛОВКИН** (Гамбург), **Сергей КУРТ-АДЖИЕВ**, **Наталья ФОМИНА** (Самара), **Виктория МАКАРЕНКО** (Ростов-на-Дону), **Александр МИНЕЕВ** (Брюссель), **Ольга МУСАФИРОВА** (Украина), **Нина ПЕТЛЯНОВА** (Санкт-Петербург), **Алексей ТАРАСОВ** (Красноярск), **Евгений ТИТОВ** (Краснодар), **Ирина ХАЛИП** (Минск)

WEB-редакция: **Константин ПОЛЕСКОВ** (редактор), **Сергей ЛИПСКИЙ**, **Евгений ШИРЯЕВ**

ДИРЕКЦИЯ

Ольга ЛЕБЕДЕВА (директор АНО «РИД «Новая газета»), **Светлана ПРОКОПЕНКО** (заместитель директора), **Валерий ШИРЯЕВ** (заместитель директора), **Ярослав КОЖЕУРОВ** (юридическая служба), **Светлана БОЧКАЛОВА** (распространение), **Владимир ВАНЯЙКИН** (управление делами), **Вера ИЛЬЕНКО** (реклама), **Наталья ЗЫКОВА** (персонал)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Потаповский пер., д. 3, Москва, 101990.
Пресс-служба: 8 495 926-20-01
Отдел рекламы: 8 495 648-35-01, 621-57-76, 623-17-66, reklama@novayagazeta.ru
Отдел распространения: 8 495 648-35-02, 623-54-75
Факс: 8 495 623-68-88.
Электронная почта: 2013@novayagazeta.ru
Подписка на электронную версию газеты: distrib@novayagazeta.ru

Подписные индексы:
32120 (для частных лиц) **40923** (для организаций)
Подписка на газеты и журналы по Москве через интернет: www.gazety.ru

Газета печатается **во Владивостоке, Екатеринбурге, Краснодаре, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Рязани, Самаре, Санкт-Петербурге.**
Зарубежные выпуски: **Германия, Израиль, Казахстан**

Общий тираж — **264 250 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **8 288 283** просмотра за май 2013 г.

Материалы, отмеченные знаком 18+, печатаются на правах рекламы.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.
Учредитель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция и издатель: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101990.

© АНО «РИД «Новая газета», 2013 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Срок подписания в печать по графику: 19.30, 27.06.2013 г.
Номер подписан: 19.30, 27.06.2013 г.
Отпечатано в ЗАО «Прайм Принт Москва». Адрес: 141700, МО, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, д.5В. Заказ № 2442. Тираж — 59100 экз. Общий тираж — суммарный тираж московских и региональных выпусков за неделю. Цена свободная.